Василій Экземплярскій.

За что меня осудили?

I.

Нѣсколько словъ уволеннаго профессора духовной Академіи въ защиту своего богословскаго направленія.

II.

Гр. Л. Н. Толстой и св. Іоаннъ Златоустъ въ ихъ взглядѣ на жизненное значеніе заповѣдей Христовыхъ.

КІЕВЪ.
Типографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Караваевская ул., № 5.
1912.

02L
63

I.

Судитъ ли законъ нашъ человѣка, если прежде не выслушаютъ его и не узнаютъ, что онъ дѣлаетъ. Іоан VII, 51.

Опредѣленіемъ Св. Синода я лишенъ академической каѳедры и уволенъ безъ прошенія вообще отъ службы по духовному вѣдомству. Причина увольненія—докладъ митрополита Кіевскаго Флавіана по поводу моей статьи, предлагаемой ниже вниманію читателей Объ увольненіи своемъ я узналъ первоначально лишь изъ газетъ. Меня не только не признали нужнымъ выслушать, но даже не потребовали отъ меня никакого объясненія, такъ, какъ если бы дѣло было яснымъ само по себѣ и ни въ какомъ поясненіи не могло́ нуждаться. Между тѣмъ я позволяю себѣ думать, что это—не такъ, и что лишеніе меня права представить свои объясненія могло отразиться крайне неблагопріятно для меня на самомъ процессѣ синодальнаго судопроизводства. Докладъ митрополита Кіевскаго мнѣ неизвѣстенъ, но сущность его содержанія согласно передается въ газетахъ. „Колоколъ", особенно хорошо освѣдомленный въ церковныхъ дѣлахъ, передаетъ, что я уволенъ за „антиправославную" литературную дѣятельность. „Новое Время", равно какъ и другія газеты, отмѣчаетъ и нѣкоторые пункты въ докладѣ митрополита, указывающіе, что́ именно въ моихъ сужденіяхъ было „антиправославнаго". Это то́ именно, что я въ своей статьѣ называлъ Л. Н. Толстого „великимъ учителемъ добра", утверждалъ будто бы, что „нравоученія писателя во всемъ сходны съ ученіемъ Іоанна Златоуста", а о современномъ оффиціальномъ нравственномъ богословіи говорилъ, что оно искажаетъ ученіе христіанства, разрѣшая дѣянія, противныя ему. Эти газетныя свѣдѣнія и являются въ дѣйствительности для всего русскаго общества единственнымъ источникомъ ознакомленія

съ моимъ дѣломъ. Синодальный указъ о моемъ увольненіи не вноситъ по существу ничего новаго, могущаго освѣтить вопросъ съ другой стороны, чѣмъ какъ это сдѣлали газеты Содержаніе доклада митрополита Кіевскаго и въ указѣ не передается, а въ резолютивной части указа выставляются противъ меня обвиненія въ такомъ же духѣ, какъ они были отмѣчены въ печати. Ниже я приведу текстъ синодальнаго указа и предложу свои краткія пояснительныя замѣчанія по поводу его.

Итакъ, меня судили и обвинили на основаніи печатаемой ниже моей статьи въ противоцерковномъ направленіи моей дѣятельности. Обвиненіе тяжкое: профессоръ академіи, занимающій при томъ каѳедру нравственнаго богословія, обвиняется не только въ неправославіи, но и въ дѣятельности, направленной противъ православной Церкви. Думается, что подобное обвиненіе должно показаться каждому поразительнымъ по своей необычайности, почти, казалось бы, невозможности. Приговоръ Святѣйшаго Синода уже состоялся, и такъ какъ это высшая инстанція въ нашемъ церковномъ управленіи, то остается только этому приговору подчиниться. Но приговоръ Святѣйшаго Синода, этотъ суровый приговоръ, есть лишь начало суда для меня. Меня ждетъ еще другой судъ—судъ всѣхъ русскихъ православныхъ людей, интересующихся церковными дѣлами, которые имѣютъ право потребовать отъ меня отвѣта. Они могутъ сказать мнѣ, должны сказать: если опредѣленіе Св. Синода не ошибочно, то какъ же ты смѣлъ занимать каѳедру въ православной духовной академіи? какъ могъ ты, призванный на служеніе Церкви и все отъ нея получившій, дѣйствовать противъ нея? не достоинъ ли ты названія предателя, если такъ поступалъ? Особенно ясенъ для меня недоумѣвающій взглядъ моихъ бывшихъ слушателей, какъ бы спрашивающій: неужели ты насъ обманывалъ, неужели ради званія и денегъ ты одно говорилъ намъ на лекціяхъ, а другое дѣлалъ на сторонѣ, дѣлалъ страшное дѣло измѣны родной Церкви? Я не могу не слышать этихъ тревожныхъ и законныхъ вопросовъ, вопросовъ роковыхъ для суда надъ самой душой человѣка, и я считаю своимъ правомъ и долгомъ держать отвѣтъ передъ этимъ судомъ. Первымъ условіемъ, необходимымъ для справедливаго

сужденія о дѣлѣ, является, по моему мнѣнію, то, чтобы дать возможность каждому узнать, за что меня обвинили. И вотъ, ниже печатается слово въ слово та моя статья, которая послужила предметомъ сужденій Святѣйшаго Синода. Собственно, это главное: пусть каждый читаетъ и судитъ меня по своей совѣсти. Но такъ какъ всякое дѣло имѣетъ не только внѣшнее выраженіе, но и внутреннюю основу, и нерѣдко для суда надъ человѣкомъ важенъ не столько самый поступокъ, сколько мотивы его совершенія, то я считаю важнымъ для выясненія истины просить читателя прежде чтенія моей статьи выслушать, почему я избралъ такую тему для нея и нашелъ нужнымъ сказать то, что́ сказалъ, и отъ чего, конечно, не могу и никогда не захочу отказаться.

Когда ко мнѣ обратились отъ имени издательства „Путь“ съ любезнымъ предложеніемъ принять участіе въ сборникѣ статей „о религіи Л. Толстого“, то я откликнулся на это предложеніе съ полной готовностью. Съ ученіемъ Л. Н. Толстого я былъ хорошо знакомъ, такъ какъ каждый годъ съ академической каѳедры излагалъ это ученіе и критически его оцѣнивалъ, какъ съ философской, такъ и съ историко-христіанской точки зрѣнія. Зналъ я также, что и задуманный въ въ то время (весною 1911 г.) сборникъ статей будетъ имѣть цѣлью именно критическую оцѣнку религіозныхъ взглядовъ Л. Н. Толстого. Для себя я избралъ задачей отмѣтить то положительно цѣнное во взглядѣ Толстого на христіанство, что́ особенно привлекало къ нему сердца всѣхъ, и показать, что это цѣнное, по справедливости дающее право назвать Толстого учителемъ добра, давно уже составляетъ достояніе сокровищницы вселенскаго церковнаго сознанія, что, говоря словами моей статьи, „та часть истины, которая прошла черезъ его (Л. Н. Толстого) сознаніе, уже съ первыхъ вѣковъ христіанства заключена въ твореніяхъ великихъ провозвѣстниковъ церковнаго ученія и заключена во всей полнотѣ“. Почему я избралъ такую тему? Потому, что мнѣ хотѣлось привлечь вниманіе русскаго интеллигентнаго общества, для котораго и предназначался сборникъ, къ древне-церковной мысли, и въ Церкви показать хранительницу и провозвѣстницу Христовой истины. Пусть, думалось мнѣ, увидятъ рус-

скіе образованные люди, что все лучшее у Толстого давно составляетъ достояніе церковнаго сознанія и пусть не смѣшиваютъ современныхъ богословскихъ измышленій съ голосомъ вселенской Церкви. Поэтому, хотя я очень опредѣленно въ своей статьѣ утверждалъ, что „Толстой не учитель Церкви“ и даже что онъ по самому существу своей проповѣди оказался „внѣ Церкви, внѣ соборнаго познанія истины Христовой“, тѣмъ не менѣе въ мою задачу не входило на этотъ разъ подробно критически разбирать ученіе Толстого, какъ, напримѣръ, дѣлалъ я это на своихъ лекціяхъ, и я хорошо зналъ, что эта критическая задача будетъ въ значительной мѣрѣ выполнена моими уважаемыми соучастниками въ издаваемомъ сборникѣ. Удачно ли я выбралъ тему для свой статьи или нѣтъ, это, конечно, вопросъ, остающійся открытымъ; но что цѣлью моей было желаніе посильно служить интересамъ православной Церкви, въ этомъ свидѣтель Богъ и моя совѣсть.

Перехожу теперь къ характеристикѣ моей богословско литературной дѣятельности въ приговорѣ Св. Синода. Вотъ что говорится въ указѣ по поводу моего увольненія. Въ Св. Синодѣ было заслушано представленіе Кіевскаго митрополита и письмо ректора Кіевской академіи на имя митрополита. Содержаніе представленія и письма въ указѣ не передается, а постановленіе Св. Синода, вынесенное послѣ чтенія и обсужденія этихъ документовъ, гласитъ слѣдующее.

„Обсудивъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства и приложенное къ нему письмо ректора Кіевской духовной академіи совмѣстно съ напечатаннымъ въ книжкѣ Сборникъ второй „О религіи Л. Толстого“ рефератомъ э. о. профессора Кіевской духовной академіи Экземплярскаго. „Гр. Л. Н. Толстой и св. Іоаннъ Златоустъ въ ихъ взглядѣ на жизненное значеніе заповѣдей Христовыхъ“ и принимая во вниманіе:

1) что Экземплярскій, будучи профессоромъ нравственнаго богословія, дерзнулъ:

а) сопоставлять великаго учителя Церкви святого Іоанна Златоуста съ отлученнымъ отъ Церкви, за отрицаніе ея и ея ученія, писателемъ графомъ Львомъ Толстымъ и утверждать

при этомъ, что „на высоко поднятомъ словомъ и страдальческою жизнью знамени св. Іоанномъ Златоустомъ былъ начертанъ тотъ же святой призывъ, что и у Л. Н. Толстого“,

б) называть сего отлученнаго отъ Церкви писателя „великимъ усопшимъ проповѣдникомъ“, а его антихристіанское ученіе путемъ „въ землю обѣтованія“,

в) утверждать, что „господствующее направленіе современнаго богословія“, которое Экземплярскій иногда презрительно называетъ „казеннымъ“, „оффиціальнымъ“, богословіемъ, „стремится притупить остроту разлада между Евангельскими заповѣдями и наличной жизнью христіанскаго общества, скрываетъ правду Христову, не признаетъ ея жизненности, освящаетъ явно несправедливые устои современной жизни и, особенно, жизни общественной; отъ имени Божественнаго ученія, путемъ искусственнаго подбора мѣстъ изъ новозавѣтнаго, а преимущественно ветхозавѣтнаго Откровенія, для него оказались возможнымъ оправдать весь строй, господствующій въ жизни христіанскихъ народовъ, со всѣми его ужасами, противными не только христіанскому, но и языческому сознанію“,

2) что рефератъ профессора Экземплярскаго, по удостовѣренію ректора академіи [1]), не есть случайное явленіе, но отраженіе общаго направленія дѣятельности и міросозерцанія Экземплярскаго, который, нападая на „оффиціальное“ богословіе, позволяетъ себѣ дерзко оскорблять и нѣкоторыхъ почтенныхъ академическихъ представителей богословія,

---

[1]) Цитируемое въ указѣ „письмо“ ректора академіи къ митрополиту Кіевскому представляется мнѣ документомъ, заслуживающимъ того, чтобы сказать о немъ два слова особо. Ожидать въ отношеніи къ себѣ со стороны ректора академіи какого-либо доброжелательства и участія я не имѣлъ, конечно, права. Но надѣяться на исполненіе прямого требованія устава я, казалось бы, могъ. Въ § 39 академическаго устава говорится слѣдующее: „ректоръ обязывается посѣщать лекціи..., наблюдаетъ за ходомъ и направленіемъ преподаванія... и въ случаѣ уклоненія преподавателей отъ надлежащаго порядка преподаванія обращаетъ на это ихъ вниманіе; при наличности болѣе важнаго и систематическаго уклоненія преподавителей отъ добраго церковнаго направленія и при безуспѣшности замѣчаній ректоръ докладываетъ архіерею“. Ректоръ академіи, дѣйствительно, не разъ присутствовалъ на моихъ лекці-

и 3) что по Высочайше утвержденному уставу:

а) духовныя академіи имѣютъ задачей приготовлять христіански просвѣщенныхъ дѣятелей для служенія святой православной Церкви, и въ кругъ дѣятельности академіи входитъ высшая ученая разработка богословія на церковномъ, строго православномъ основаніи (§ 1 и 2).

б) преподавателями академіи могутъ быть только лица православнаго исповѣданія, строго православнаго образа мыслей и церковнаго направленія, предпочтительно состоящія въ священномъ санѣ (§ 65), и

в) преподаватели должны вести свое преподаваніе въ строго православномъ духѣ, направляя свою дѣятеленость къ утвержденію въ умахъ студентовъ благоговѣнія предъ непреложной истиной православія и готовности послужить св Церкви, никакія уклоненія изъ сего правила не могутъ быть терпимы (§ 85),

Св. Синодъ не можетъ не признать дальнѣйшую преподавательскую дѣятельность профессора Экземплярскаго не согласною съ требованіями Высочайше утвержденнаго устава духовныхъ академій и вредною, а посему опредѣляетъ: экстраординарнаго профессора Кіевской духовной академіи Василія Экземплярскаго уволить отъ службы въ духовной академіи".

Въ приведенномъ сейчасъ опредѣленіи Св. Синода, какъ ясно, ставится мнѣ въ вину мое отношеніе къ ученію гр.

яхъ, слѣдилъ за моими чтеніями по оффиціальнымъ студенческимъ записямъ и, какъ видно изъ „письма", имѣлъ опредѣленное сужденіе о направленіи моей преподавательской дѣятельности. Между тѣмъ ни одного разу, ни даже полунамекомъ, онъ не далъ мнѣ понять, что считаетъ мое преподаваніе ошибочнымъ по направленію, а мою богословско-литературную дѣятельность вредною. Даже когда въ началѣ ноября 1911 г. я имѣлъ случай сообщить ректору академіи, что буду читать въ религіозно-философскомъ обществѣ свой рефератъ о Л. Н. Толстомъ и св. Іоаннѣ Златоустѣ, то ректоръ академіи не выразилъ ничего, кромѣ сожалѣнія, что читаю я въ религіозно-философскомъ, а не въ религіозно-просвѣтительномъ обществѣ. По какимъ же побужденіямъ ректоръ академіи не исполнилъ въ отношеніи меня прямого требованія устава, при томъ такого справедливаго? Конечно, каждый слѣдуетъ голосу своей совѣсти, но мнѣ кажется, что эта таинственность и поспѣшность суда надо мною съ несомнѣнностью говоритъ о желаніи сдѣлать все возможное чтобы лишить меня законнаго права, принадлежащаго каждому человѣку (Іоан. VII,51) быть выслушаннымъ прежде окончательнаго рѣшенія касающагося его дѣла.

Л. Н. Толстого и къ нашему „оффиціальному“ нравственному богословію. Прежде остановлюсь на моемъ первомъ служебномъ „преступленіи“.

Что касается моего отношенія къ Л. Н. Толстому, то, кромѣ достаточно опредѣленно сказаннаго по этому поводу въ моей статьѣ, я, полагаю, вполнѣ выясню этотъ вопросъ, если скажу, что въ своемъ сознаніи и совѣсти признаю себя и передъ другими себя исповѣдую православно вѣрующимъ христіаниномъ, принимающимъ во всей полнотѣ исповѣданіе греко-восточной Церкви. Поэтому само собою подразумѣвается, что догматическихъ воззрѣній великаго писателя я не раздѣляю и всегда искренно скорбѣлъ, что Л. Н. Толстой находился внѣ общенія съ Церковью и порицалъ многое, безмѣрно для меня высокое и святое, въ ея ученіи. Но гр Толстой, по содержанію своихъ произведеній послѣдняго періода его жизни, былъ по преимуществу моралистомъ, и въ этомъ его нравственномъ ученіи я нашелъ много такого цѣннаго, предъ чѣмъ не могъ не преклониться. „Новое Время“ передаетъ, что въ докладѣ митрополита Кіевскаго сказано, будто бы я утверждалъ, что „нравоученія писателя во всемъ сходны съ ученіемъ Іоанна Златоуста“. Не знаю, дѣйствительно ли содержится подобная мысль въ докладѣ митрополита Флавіана, но если да, то ошибочность этой мысли несомнѣнна. Во-первыхъ, утверждать подобное тожество нравоученія названныхъ моралистовъ значило бы обнаружить совершенное незнакомство и съ Толстымъ и съ Іоанномъ Златоустымъ, въ чемъ едвали кто рѣшится заподозрить профессора, десять лѣтъ подъ рядъ говорившаго съ каѳедры о Толстомъ и написавшаго двѣ богословскія диссертаціи изъ области святоотеческаго ученія. Во-вторыхъ, въ моей статьѣ рѣчь идетъ не обо „всемъ“ нравоученіи Толстого и Златоустаго, но объ одномъ лишь частномъ пунктѣ въ ихъ ученіи, именно—о вѣрѣ въ жизненное значеніе заповѣдей Христовыхъ. И, наконецъ, въ статьѣ моей прямо отмѣчается, что у сравниваемыхъ моралистовъ „много общаго, много и различнаго“ и съ полной опредѣленностью указана сущность коренного различія между Л. Н. Толстымъ и св. Іоанномъ Златоустымъ въ ихъ взглядѣ на христіанство. Но можетъ быть самое сопоставле-

ніе Толстого со св. Іоанномъ Златоустомъ уже составляетъ преступленіе? Въ указѣ Святѣйшаго Синода прямо это и отмѣчается, когда говорится, что я „дерзнулъ“ сопоставить учителя Церкви съ лицомъ, отъ нея отлученнымъ. Но что же собственно преступнаго въ этомъ сопоставленіи, что даже въ немъ просто неудобнаго для православнаго богослова? Почему никто не считаетъ преступнымъ сравнивать ученіе язычника Платона съ ученіемъ Господа Іисуса Христа и отмѣчать истинное въ ученіи перваго? Почему никого не соблазнило бы, напримѣръ, сопоставленіе св. Іоанна и Э. Канта? Сравнивать ученіе Л. Н. Толстого и св. Іоанна Златоустаго можно, продолжаю и теперь я думать, потому, что ставили и согласно рѣшали они одинъ и тотъ же великій вопросъ объ отношеніи евангельскихъ заповѣдей къ жизни. Въ указѣ сказано, что это дерзость съ моей стороны Но эта „дерзость“ была бы неразумной и не законной въ томъ лишь случаѣ, если бы мое сопоставленіе оказалось неудачнымъ, искусственнымъ. Но если этого нѣтъ, если и дѣйствительно взгляды Л. Н Толстого и св. Іоанна Златоустаго по затронутому вопросу сходны, то, думается, правъ я, когда въ своей статьѣ утверждаю, что „какъ бы ни было велико различіе св. Іоанна и гр. Толстого во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ и въ пониманіи частныхъ заповѣдей Господа, но согласіе двухъ столь различныхъ моралистовъ въ пониманіи такого великаго жизненнаго вопроса имѣетъ самое существенное значеніе для нашего времени и потому заслуживаетъ быть отмѣченнымъ“. Теперь я скажу еще больше: послѣ св. Іоанна Златоустаго въ ряду нашихъ православныхъ богослововъ не было ни одного, кто бы съ такою ясностью поставилъ и съ такою прямолинейной твердостью отвѣтилъ на вопросъ о жизненности евангельскаго ученія, чѣмъ какъ это сдѣлано усопшимъ Л. Н. Толстымъ. За эту самоотверженную его проповѣдь величія и силы евангельскаго ученія, истинной его жизненности и высшей красоты я и назвалъ Толстого „великимъ усопшимъ проповѣдникомъ“, а его ученіе—дорогой, хотя „не прямою“ въ „землю обѣтованія“. Дѣйствительно поразительно, что „на высоко поднятомъ словомъ и страдальческой жизнью“ св. Іоанна Златоуста „знамени былъ начертанъ тотъ же святой призывъ, что и у

Л. Н. Толстого: „ищите Царства Божія и правды Его“ [1]). Но для вѣрующаго остается лишь преклониться предъ невѣдомостью тѣхъ путей, какими открывается истина въ мірѣ, и съ благодарной памятью говорить о томъ, кто силою своего разума и совѣсти, поднялся на высоту истинно христіанскаго постиженія вѣчной правды заповѣдей Христовыхъ. Вѣдь не моя же вина въ томъ, что черезъ 1500 лѣтъ великій призывъ святого учителя Церкви былъ повторенъ не нами, представителями православнаго богословія, но „отлученнымъ отъ Церкви писателемъ“. Истина не становится ложью отъ того, что она высказана тѣмъ, а не другимъ лицомъ, но она сіяетъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, предъ которымъ не можетъ не преклониться христіанская совѣсть. И если на томъ знамени, съ какимъ шелъ въ мірѣ Л. Н. Толстой, на одной сторонѣ этого знамени, былъ начертанъ святой девизъ: „ищите Царствія Божія и правды Его“, то вполнѣ естественно, что „этотъ святой девизъ привлекъ сердца людей, тоскующихъ по Богѣ и правдѣ, къ великому русскому писателю, а послѣдній обезсмертилъ свое имя горячей и преданной любовью къ добру, пониманіемъ его внутренней силы и святости“ Что же касается обратной стороны знамени Л. Н. Толстого, о которой я говорю въ своей статьѣ,—хотя объ этихъ моихъ словахъ и не вспоминается въ указѣ,—то я, равно какъ и каждый православно-вѣрующій, не могу смотрѣть на эту сторону знамени иначе, какъ съ чувствомъ искренней скорби и сожалѣнія о томъ, что такой великій учитель добра оказался внѣ Церкви, внѣ полноты познаванія истины Христовой. Но судить за это усопшаго не долгъ православнаго богослова, такъ какъ умершихъ судитъ одинъ Богъ. Скорѣе нашу совѣсть можетъ смущать другой вопросъ, не были ли и мы, представители православнаго богословія, хоть отчасти виноваты въ томъ, что Л. Н. Толстой отшатнулся отъ церкви и пошелъ своею дорогой, нерѣдко доходя на своемъ пути до

---

[1]) Нѣкоторыя лица выражали мнѣ свое недоумѣніе, почему въ заглавіи моего реферата имя Л. Толстого поставлено прежде имени св. Іоанна. Сдѣлано мною это просто потому, что рефератъ предназначался для напечатанія въ сборникѣ „О религіи Льва Толстого“.

открытой вражды противъ Церкви и оскорбленія самыхъ святыхъ христіанскихъ переживаній

Вторымъ моимъ служебнымъ „преступленіемъ“ въ формулировкѣ синодальнаго указа является мое отношеніе къ господствующему направленію въ нашемъ нравственномъ богословіи. Въ общемъ я согласенъ со справедливостью того, что говорится въ указѣ по поводу моего отношенія къ этому направленію нашего богословія. Позволю себѣ лишь рѣшительно отклонить то утвержденіе въ письмѣ ректора академіи, что будто бы я позволялъ себѣ „дерзко оскорблять нѣкоторыхъ почтенныхъ академическихъ представителей богословія“. Этого я никогда не дѣлалъ въ своихъ лекціяхъ и печатныхъ работахъ и даже въ большинствѣ случаевъ старался не называть именъ своихъ идейныхъ противниковъ. Если же я горячо полемизировалъ съ ними, то мнѣ думается, болѣе прямымъ отвѣтомъ могло быть опроверженіе моихъ сужденій въ формѣ научной критики, а не тяжкая кара со стороны начальства. Вѣдь въ томъ, напримѣръ, сочиненіи, въ которомъ я съ особенной горячностью боролся съ господствующимъ направленіемъ нашихъ системъ нравственнаго богословія,—разумѣю свое изслѣдованіе „ученіе древней Церкви о собственности и милостынѣ“—я почти ничего не говорю отъ себя, но словами Откровенія и святоотеческихъ писаній. Если я неправильно изложилъ ученіе древней Церкви, если правда на сторонѣ нашего богословія, когда оно называетъ богатство путемъ въ Царство небесное, разрѣшаетъ роскошь въ жизни, считаетъ, что не можетъ быть сомнѣнія съ христіанской точки зрѣнія на счетъ позволительности отдавать деньги на проценты, что долгъ христіанина хранить и умножать имущество и проч.,—если во всемъ этомъ правы мои идейные противники, а святые отцы заблуждались или же я неправильно передалъ святоотеческое ученіе, то почему „почтенные академическіе представители богословія“, считавшіе будто бы себя оскорбленными, оказались нуждающимися въ защитѣ ректора академіи, моего бывшаго начальника, а не защитили себя сами въ научной полемикѣ, тѣмъ болѣе, что лично никого я не позволилъ себѣ оскорбить, хотя бы то и отдаленнымъ намекомъ? А что я не разъ упрекалъ господ-

ствующее направленіе нашего богословія въ ошибочности того пути, какимъ оно шло до настоящаго времени, то это— вѣрно, и теперь я постараюсь пояснить, какое, именно, богословіе я называлъ довольно неопредѣленнымъ терминомъ „оффиціальное“ или „казенное“.

Если въ области христіанскаго вѣроученія, въ самомъ существенномъ, мы уже можемъ съ благодарной памятью жить плодами многовѣковыхъ усилій древней Церкви въ ея стремленіи облечь христіанскую истину въ точно отвѣчающія ей догматическія формулы, то въ области нравственнаго христіанскаго ученія мы почти не имѣемъ такихъ формулъ, а дѣло пониманія евангельскаго ученія въ его отношеніи къ запросамъ нашей жизни во многихъ случаяхъ является нашимъ долгомъ, требуетъ напряженной работы нашего христіанскаго сознанія, а иногда и нравственнаго подвига. Исторія Церкви свидѣтельствуетъ, что самому общецерковному опредѣленію догматовъ предшествовали великія и честныя усилія личной христіанской мысли и живой вѣры проникнуть въ глубь истины. То же самое, конечно, нужно и законно въ отношеніи христіанскаго нравственнаго ученія, тѣмъ болѣе, что въ виду безконечнаго разнообразія жизненныхъ вопросовъ невозможно надѣяться и даже желать разрѣшенія всѣхъ ихъ въ опредѣленныхъ формулахъ. Поэтому приходится считаться и мириться съ тѣмъ, что по различнымъ жизненнымъ проблемамъ могутъ параллельно существовать въ богословской наукѣ и самые различные опыты рѣшенія вопроса. Но при всемъ возможномъ разнообразіи частныхъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ христіанской совѣсти и науки, безспорно въ послѣдней всегда существуютъ цѣлыя направленія, предрѣшающія, до значительной степени, самую постановку и отвѣты на жизненные вопросы. О различныхъ направленіяхъ въ нашей богословской литературѣ по вопросамъ христіанской этики я уже говорилъ въ печати много разъ и повторять сказаннаго во всей полнотѣ не буду. Скажу лишь здѣсь самое существенное съ моей точки зрѣнія по этому вопросу. Передъ лицомъ верховнаго Евангельскаго идеала жизни, признаваемаго святымъ и истиннымъ, всегда возможна двоякая оцѣнка жизненныхъ явленій,—что̀ и составляетъ задачу нравствен-

наго богословія. Возможно или этотъ верховный святой идеалъ сдѣлать пробнымъ камнемъ качества и совершенства существующихъ жизненно бытовыхъ формъ и отношеній, или же, признавая послѣднія истинными съ точки зрѣнія ихъ господства въ данный моментъ исторіи, стремиться низвести верховный идеалъ жизни до ея наличнаго уровня и отъ имени христіанства освящать такія стороны жизни, которыя не находятся въ соотвѣтствіи съ евангельскимъ ея идеаломъ. Первую оцѣнку явленій жизни я считаю единственно законной въ христіанской этикѣ, какъ наукѣ нормативной, и на этой точкѣ зрѣнія всегда стояли, въ моемъ сознаніи, святые учители Церкви. Вторую же оцѣнку жизненныхъ явленій я считаю ошибочной по существу, и это направленіе нашей науки, можно сказать господствующее у насъ, я характеризую терминомъ „оффиціальное“ или „казенное“ богословіе. Называю я это направленіе такъ потому, что, по моему убѣжденію, оно болѣе прислушивается къ голосу міра и преданіямъ человѣческимъ, чѣмъ къ голосу Господа и преданія церковнаго. Для иллюстраціи позволю себѣ указать на одинъ примѣръ изъ исторіи нашей богословской мысли, заимствуя его изъ статьи сенатора Таганцева. Въ этой статьѣ передается, какъ самый высокій авторитетъ половины 19 столѣтія въ области богословской мысли, писалъ докладныя записки въ защиту съ христіанской точки зрѣнія тѣлесныхъ наказаній и крѣпостнаго права Насколько эти мнѣнія были характера „казеннаго“, ясно видно изъ того, что впослѣдствіи имя этого богослова упоминалось въ числѣ составителей проекта манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости [1]). Такъ было раньше, то же самое видимъ мы и теперь.

Мнѣ не хочется здѣсь отклоняться въ сторону и называть имена современныхъ богослововъ, представителей „казеннаго“ богословія. Интересующихся позволю себѣ отослать хотя бы къ моей статьѣ противъ смертной казни [2]), гдѣ можно

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ кн. 11, 1906 г. стр. 28: „Законопроекты о смертной казни въ Государственномъ Совѣтѣ.

[2]) „Нѣсколько мыслей по поводу защиты смертной казни въ русской богословской литературѣ послѣдняго времени“, Кіевъ, 1907 г.

найти достаточно примѣровъ того, какъ можно извращать ученіе Слова Божія и унижать самые высокіе предметы нашей христіанской вѣры. О томъ же можно читать и въ предисловіи къ моему изслѣдованію „ученіе древней Церкви о собственности и милостынѣ“ [1]). Несомнѣнно во веякомъ случаѣ то, что если я призналъ это господствующее направленіе нашей богословской мысли ложнымъ по существу съ научной и церковной точки зрѣнія, то долгомъ своимъ, какъ православнаго богослова, я признавалъ и то, чтобы осуждать научно это направленіе нашей богословской литературы, не сообразуясь съ тѣмъ, кто высказываетъ ошибочные взгляды и кто покровительствуетъ ихъ защитникамъ. Мнѣ всегда казалось въ этомъ направленіи нашего богословія наиболѣе ужаснымъ то, что его представители, защищая всевозможныя неправды жизни, всюду прикрывали свою защиту святымъ именемъ Христа и словами Его Евангелія Обыкновенно поступаютъ такъ: высокій Евангельскій идеалъ совершенно сознательно объявляется недостижимымъ, въ виду его абсолютности, а затѣмъ уже на этомъ твердомъ фундаментѣ строятся оправданія нарушенія любой заповѣди Евангелія. Даже выдающіяся наши богословскія силы потратили не мало труда на то, чтобы доказывать обществу, будто жизнь—одно, а ученіе Христа—другое, что заповѣди Его неосуществимы въ жизни и нарушеніе ихъ—зло неизбѣжное Такое направленіе нашей духовной литературы могло привлечь къ себѣ симпатіи тѣхъ, для которыхъ удобно прикрывать язвы современной антихристіанской личной и особенно общественной жизни знаменіемъ Креста Христова. Но это же направленіе, въ основѣ фальшивое, неизбѣжно должно было оттолкнуть отъ себя всѣхъ, кто не потерялъ еще настолько честности, чтобы прикрывать свои грѣхи и недостатки именемъ Всесвятого Бога, и на основаніи своей недостаточности и лѣности отрицать жизненное значеніе Евангельскаго идеала. И результаты такого направленія нашего богословія, такого смѣшенія божескаго и человѣческаго были ужасны, по крайней мѣрѣ такими представляются они моему сознанію. Произошло страшное недоразумѣніе въ отношеніи

---

[1]) Кіевъ, 1910 г.

къ христіанству значительной части современнаго общества. Христіанству всегда было противно и враждебно то направленіе жизни, которое исходнымъ началомъ ея дѣлаетъ эгоизмъ, заботу о себѣ, служеніе своимъ чувственнымъ и себялюбивымъ интересамъ, христіанство всегда было для многихъ безуміемъ, утопіей, мечтаніями. Но въ одномъ никто прежде не упрекалъ христіанство, это — въ его безчувственности, въ равнодушіи къ людскому горю и нуждѣ, въ потворствѣ грѣху и себялюбію. Но теперь эти упреки обычны. Христіанство, это религія любви и самоотреченія, эта радостная вѣсть всѣмъ униженнымъ, оскорбленнымъ и обездоленнымъ, этотъ призывъ къ беззавѣтной жертвѣ на служеніе горю и нуждѣ ближнихъ,—теперь эта религія, эта радостная вѣсть, этотъ благородный призывъ объявляются враждебными жизни, а Церковь православная защитницей того зла и неправды, какія царятъ въ мірѣ. Это, конечно, страшное недоразумѣніе, и причины, вызвавшія его, заключаются до извѣстной степени, по моему мнѣнію, въ томъ одѣяніи, въ какое стремится наше богословіе облечь христіанство, пытаясь приблизить святой небесный идеалъ къ условіямъ нашей жизни, называемой христіанской. Конечно, голосъ нашего оффиціальнаго богословія, при томъ, къ счастію, всё же неединодушный, не есть голосъ Церкви вселенской. Но все же эти попытки исказить святой идеалъ въ угоду духу времени сдѣлали свое страшное дѣло. И эти попытки должны быть осуждены и съ научной богословской точки зрѣнія, такъ какъ почти вовсе игнорируютъ ученіе церковныхъ авторитетовъ и извращаютъ истинный смыслъ ученія Слова Божія, и съ чисто нравственной, такъ какъ онѣ дѣлаютъ Христа Спасителя, этотъ образъ свѣтлый, милостивый, полный безграничной любви и ласки участникомъ и защитникомъ нашего несовершенства и нашей жизненной неправды. Пусть мы злы, пусть жизнь наша неправедная, пусть на всей землѣ не будетъ правды. Со всѣмъ этимъ можетъ примириться тотъ, для кого Богъ—отецъ и Христосъ—единый учитель. Но никогда не приметъ сердце человѣческое того Бога, Который изображается какъ покровитель неправды міра и участникъ въ нашей нечистотѣ. Задача богословія привлекать ко Христу

уясняя и раскрывая чистое небесное ученіе, но не отталкивать отъ Христа и Его ученія, путемъ извращенія послѣдняго Объ одномъ долженъ заботиться православный богословъ чтобы сіялъ свѣтъ Христовъ своимъ тихимъ, чистымъ сіяніемъ, свѣтилъ міру, согрѣвалъ сердца и влекъ души человѣческія къ святому, небесному, вѣчному...

Итакъ, вотъ что я обличалъ и вотъ къ чему я призывалъ наше богословіе. Обличалъ я то, что въ моемъ сознаніи является заблужденіемъ и безсознательной измѣной Христу. Призывалъ я къ тому, что считалъ долгомъ вѣрности богослова Евангелію и Церкви. Я думалъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ: если мы сами не можемъ свѣтить міру своимъ свѣтомъ и въ жизни своей являться городомъ, стоящимъ на верху горы, то сдѣлаемъ меньшее, что только возможно, не будемъ заслонять свѣтъ истины отъ ищущихъ Его, поможемъ посильно этимъ ищущимъ найти Христа и полюбить Его. Толпы народа шли за Нимъ во дни Его земной жизни; сотни милліоновъ идутъ къ Нему и теперь, ищутъ въ Немъ опоры и утѣшенія, въ Немъ видятъ своего единственнаго Помощника и Покровителя. И если наше богословіе призвано быть слугою Христовымъ въ мірѣ, то оно должно исповѣдывать и проповѣдывать истину Христову во всей ея чистотѣ и лучезарной красѣ, а не извращать ее въ угоду началамъ, господствующимъ въ нашей наличной жизни. И я утверждалъ, что не нужно и не должно слѣдовать духу времени въ пониманіи вѣчнаго и абсолютнаго, не нужно и не должно оправдывать зло жизни на основѣ христіанства. И я говорилъ объ этомъ, быть можетъ слишкомъ навязчиво, въ каждой своей статьѣ, въ каждомъ почти академическомъ чтеніи. Можетъ быть я ошибался и преувеличивалъ извращенность нашей богословской мысли, и дай Богъ, чтобы было такъ, чтобы меньше былъ соблазнъ отъ такого изложенія христіанскаго ученія. Но я жалѣю не о томъ, что говорилъ по этому вопросу, но лишь о томъ, что говорилъ слишкомъ мало и слишкомъ слабо. И если бы мнѣ была дана не одна жизнь, а нѣсколько, и не мои слабыя силы, но истинный богословскій талантъ, то все это, вѣрится мнѣ, я съ радостью отдалъ бы одному великому и святому для моей совѣсти дѣлу—проповѣди въ научной формѣ

жизненнаго значенія словъ Христовыхъ и борьбѣ съ неправыми путями въ области нашей богословской мысли.

Вотъ и все, что хотѣлось мнѣ сказать по поводу увольненія меня за неправославный образъ мыслей. Теперь я считаю себя вправѣ спросить своихъ судей: неужели то, что́ я научно исповѣдывалъ, было измѣной православной Церкви? Вѣдь сущность всѣхъ моихъ богословскихъ утвержденій сводилась къ одной центральной мысли: заповѣди Христовы и ученіе Церкви вселенской должны признаваться нормами христіанской жизни, независимо отъ того, что́ царитъ въ современной намъ жизни какъ личной, такъ и общественной. Неужели эта мысль неправославная? Это первое и самое важное Далѣе я полагаю, что вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ и совѣсти православно вѣрующаго и самаго академическаго устава тотъ путь, какимъ шелъ я къ утвержденію мысли о жизненности христіанскаго ученія. Путь этотъ—изученіе твореній учителей древней Церкви, какое изученіе я сдѣлалъ съ первыхъ шаговъ своей предавательской дѣятельности,—и даже еще ранѣе—со студенческой скамьи, предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій. Не говоря о моихъ академическихъ чтеніяхъ, мною написанъ уже не одинъ трудъ на основѣ святоотеческаго ученія, и прямою своей задачей я ставилъ то, чтобы изъяснять Слово Божіе и давать отвѣты на жизненные вопросы въ строгомъ согласіи съ духомъ церковнаго ученія. Неужели это путь достойный осужденія, неужели было бы болѣе достойно православнаго богослова прислушиваться къ мѣняющимся мнѣніямъ представителей нашей неустойчивой церковной политики? Почему меня не обличаютъ въ невѣрности церковному ученію, а говорятъ о моей борьбѣ съ извѣстнымъ направленіемъ русскаго богословія? Пусть даже я не правъ въ этой борьбѣ, но вѣдь я велъ ее и на лекціяхъ, и въ печати не отъ своего лишь лица. Въ моемъ сознаніи за мною стояли сонмы великихъ учителей Церкви Вселенской, и пока мнѣ не докажутъ, что я заблуждался въ пониманіи ихъ ученія, я буду имѣть смѣлость утверждать, что архипастыри русской церкви, засѣдающіе теперь въ Св. Синодѣ, ошиблись, признавъ меня человѣкомъ не православнаго образа

мыслей и не желавшимъ вселить въ умы и сердца своихъ бывшихъ слушателей беззавѣтной любви къ православной Церкви. Эту именно любовь я всегда стремился вселять въ сердца своихъ слушателей и читателей, когда ставилъ своей задачей показать, что „Церковь православная была истинной матерью для вѣрующихъ,—матерью, тѣмъ существомъ, которое для дѣтей является носительницей любви, самоотверженной защитницей, источникомъ всего чистаго, грѣющаго, ласкающаго, къ которой дѣти простираютъ свои руки, ласкою и заботами которой живутъ“, что „Церковь была проводникомъ любви Христовой и свѣта Его истины въ жизнь міра“ [1]). Неужели такъ учить о Церкви не значитъ „направлять свою дѣятельность къ утвержденію въ умахъ студентовъ благоговѣнія предъ непреложной истиной православія и готовности послужить Церкви“, какъ говоритъ академическій уставъ?

Итакъ, за что же меня судили и обвинили?

Кіевъ, 9 мая 1912 г.

---

[1]) „Ученіе древней Церкви о собственности и милостынѣ“, стр. 276.

II.

Гр. Л. Н. Толстой и св. Іоаннъ Златоустъ въ ихъ взглядѣ на жизненное значеніе заповѣдей Христовыхъ.

Я люблю заповѣди Твои... всѣ повелѣнія Твои — всѣ признаю справедливыми... Откровенія Твои, которыя Ты заповѣдалъ,— правда и совершенная истина. Пс. CXVIII, 127–138.

Взаимное непониманіе великими современниками другъ друга—явленіе обычное во всѣ времена. Случайныхъ жизненныхъ столкновеній, несущественныхъ разногласій, при единствѣ основъ жизнепониманія, бываетъ достаточно для того, чтобы это непониманіе переходило въ прямую враждебность. Но когда великихъ людей отдѣляютъ вѣка, тогда, обычно, исчезаетъ всякая нетерпимость, является полная готовность объективно оцѣнивать дѣятельность и ученіе своихъ предшественниковъ, и даже замѣчается усиленное желаніе находить въ этой дѣятельности и ученіи черты сходства со своимъ міровоззрѣніемъ и со своимъ путемъ практическаго служенія человѣчеству. Графъ Л. Н. Толстой далъ достаточно примѣровъ такого именно отношенія къ религіозной проповѣди своихъ современниковъ и предшественниковъ. Разбираться въ горячемъ спорѣ Л. Н. Толстого съ современными проповѣдниками христіанства еще не пришло время. Глубокое же и искреннее уваженіе Льва Николаевича къ древнимъ великимъ учителямъ человѣчества сквозитъ почти во всѣхъ его сочиненіяхъ послѣднихъ десятилѣтій. Конфуцій, Лао Тсе, Зороастръ, Сократъ, Эпиктетъ и другіе—все это не мертвыя имена въ устахъ Л. Н. Толстого, но живые выразители одной всемірной религіозной идеи... Но есть цѣлый рядъ учителей

человѣчества, которыхъ отдѣляетъ отъ насъ полторы тысячи лѣтъ, и къ которымъ тѣмъ не менѣе у Льва Николаевича пробивается такое рѣзко отрицательное отношеніе, какъ будто они являлись непосредственными противниками самого дорогого, самого родного ему въ его проповѣди. Это—рядъ великихъ отцовъ и учителей Церкви, особенно начиная съ IV вѣка. Въ нихъ Левъ Николаевичъ Толстой видитъ систематическихъ извратителей христіанской идеи вселенской любви и, терпимо не замѣчая коренныхъ несогласій своей системы съ религіозными ученіями другихъ религій, гр. Толстой горячо негодуетъ по поводу несущественныхъ разногласій въ пониманіи святыми отцами отдѣльныхъ стиховъ Евангельскаго нравственнаго ученія, сравнительно съ пониманіемъ самого Льва Николаевича. Для послѣдняго великіе церковные учители 4—5 вѣковъ находятся въ одной плоскости съ современными ему богословами, а самъ Л Н. Тостой былъ, повидимому, искренно убѣжденъ, что какъ теперь наше казенное богословіе едва ли не главныя усилія направляетъ на защиту всего, противнаго духу Христова ученія, но фактически царящаго въ жизни, такъ точно такую же печальную задачу поставляли себѣ и древніе учители Церкви. И подобное недоразумѣніе имѣло грустные результаты Не будетъ, думаемъ, оскорбленіемъ памяти усопшаго Льва Николаевича сказать, что онъ былъ недостаточно знакомъ съ твореніями великихъ церковныхъ учителей. Но еще менѣе эти творенія знакомы читателямъ сочиненій гр. Толстого, и для нихъ все историческое христіанство могло представляться въ видѣ процесса постояннаго приспособленія къ преданіямъ человѣческимъ, что такъ сурово, и часто справедливо, гр. Толстой обличалъ въ направленіи современнаго богословія. А между тѣмъ это не такъ, и въ отношеніи того, что въ проповѣди самого Льва Николаевича является самымъ цѣннымъ для сознанія современнаго христіанскаго человѣчества, въ лицѣ учителей древней церкви гр. Толстой имѣлъ предшественниковъ неизмѣримо болѣе близкихъ, чѣмъ великіе восточные мудрецы... Потребовалось бы цѣлое богословское изслѣдованіе, чтобы выяснить вопросъ о сравнительномъ пониманіи Евангельскаго нравственнаго ученія святыми учителями Церкви и Л. Н.

Толстымъ. Въ настоящемъ очеркѣ я позволю себѣ въ нѣсколькихъ штрихахъ сопоставить взглядъ гр. Толстого и св. Іоанна Златоустаго по одному изъ важнѣйшихъ для того и для другого вопросу—о жизненномъ значеніи Евангельскаго ученія, въ частности—заповѣдей нагорной проповѣди Выбираю св. Іоанна потому, что это величайшій изъ учителей Церкви конца IV-го и начала V-го вѣка, съ одной стороны; а съ другой—потому, что Л. Н. Толстой чаще другихъ называетъ имя этого великаго христіанскаго проповѣдника и нерѣдко, особенно въ первыхъ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ, не безъ недоброжелательства, какъ имя человѣка, много содѣйствовавшаго будто бы извращенію истиннаго христіанства.

Религіозная проповѣдь гр. Л. Н. Толстого вызвала самое различное отношеніе къ себѣ—отъ благоговѣйнаго преклоненія до злобныхъ проклятій. Но есть одна сторона въ религіозно-нравственномъ ученіи великаго писателя, которая не могла не заставить преклониться предъ нею самыхъ убѣжденныхъ противниковъ Толстовскаго пониманія христіанства: это горячая вѣра и убѣжденная защита Л. Н. Толстымъ жизненнаго значенія Евангельскаго нравственнаго ученія. Левъ Николаевичъ съ присущей ему геніальной проницательностью не могъ, конечно, пройти мимо того явленія нашей жизни, которое неизбѣжно поражаетъ сознаніе каждаго, внимательно прочитавшаго Евангеліе. Явленіе это—совершенный разладъ между евангельскими требованіями, признаваемыми при томъ святыми и истинными, и наличной жизнью христіанскаго общества. Съ присущей Льву Николаевичу искренностью и честностью, онъ не могъ закрыть глаза предъ лицомъ разъ открывшейся ему жизненной неправды, равно какъ не могъ удовлетвориться и тѣмъ примиряющимъ путемъ, которымъ стремится притупить остроту сознанія этого разлада господствующее направленіе современнаго богословія. Напротивъ, этотъ именно путь, думается, отчасти и содѣйствовалъ тому, что графъ Толстой навсегда ушелъ изъ Церкви и съ такою страстностью и односторонностью критиковалъ все отъ нея исходившее. И чтобы яснѣе выступила занятая Л. Н. Толстымъ въ интересующемъ насъ вопросѣ позиція, мы въ двухъ сло-

вахъ охарактеризуемъ основы того рѣшенія вопроса объ отношеніи Евангелія къ жизни, какое всѣми путями защищаетъ господствующее направленіе современнаго богословія.

Передъ лицомъ поражающаго разлада между евангельскимъ ученіемъ, высокимъ и чистымъ, и современнымъ укладомъ христіанской жизни, основанномъ на лжи и насиліи, всегда былъ великъ соблазнъ признать евангельское ученіе мечтой, утопіей, признать, что возвѣщенныя имъ новыя начала человѣческихъ отношеній неприложимы къ жизни. Для невѣрующей мысли этотъ соблазнъ легко разрѣшался отверженіемъ Евангелія, какъ основы жизни. Но въ трудномъ положеніи оказывалось христіанское богословіе. Признать, что евангельская проповѣдь не пригодна къ жизни, значило отречься отъ Христа, какъ Учителя человѣчества. Признать нормальнымъ самый фактъ рѣжущаго разлада между ученіемъ Христа и жизнью христіанъ не позволяла совѣсть, для которой невозможно вѣрить въ одно, а жить по другому. Признать же, наконецъ, что евангельское ученіе жизненно въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. что согласно съ нимъ можетъ и должна устрояться какъ личная, такъ и общественная жизнь, это значило въ принципѣ разрушить всѣ устои современной культурной жизни и проповѣдывать юродство Христа ради. И вотъ, нашлась дорога, обходящая, по видимости, эти затрудненія: освятить отъ имени Божественнаго ученія устои современной жизни и особенно жизни общественной. Такъ именно оказалось возможнымъ путемъ искусственнаго подбора мѣстъ изъ новозавѣтнаго, а преимущественно ветхозавѣтнаго Откровенія оправдывать весь строй, господствующій въ жизни христіанскихъ народовъ, со всѣми его ужасами, противными не только христіанскому, но и языческому сознанію. Такъ, именно, и наша русская богословская мысль запятнала себя попытками доказать совершенное согласіе съ основами евангельскаго ученія и крѣпостного права, и тѣлесныхъ наказаній, и роскоши богатыхъ, и смертной казни, и насилія надъ совѣстью людей, и иногаго, многаго другого...

И ясно, что такой путь примиренія Евангелія и жизни могъ только оттолкнуть отъ себя и Л. Н. Толстого и вся-

каго, добросовѣстно ищущаго истины. Нужно было искать новые пути устроенія христіаиской жизни и созиданія царства Божія на землѣ, и русская богословствующая мысль въ этомъ именно направленіи уже внесла цѣнный вкладъ въ сокровищницу постиженія христіанской истины человѣчествомъ Гр. Л. Н. Толстой, въ частности, въ раскрытіи своего взгляда на отношеніе Евангелія къ жизни всегда исходилъ изъ отрицанія господствующей въ оффиціальномъ нашемъ богословіи тенденціи къ оправданію существующихъ формъ жизни и человѣческихъ отношеній и поставлялъ себѣ въ прямую задачу доказывать, что Евангеліе Христово жизненно въ собственномъ смыслѣ слова, что Христосъ Спаситель училъ людей правдѣ жизни именно для того, чтобы они исполняли Его ученіе здѣсь и теперь. Признавая безконечную высоту Евангельскаго идеала жизни, благодаря которой между идеаломъ и жизнью всегда будетъ неизмѣримое разстояніе [1]), Л. Н Толстой тѣмъ не менѣе нашелъ возможнымъ признать этотъ идеалъ истинно жизненнымъ, а тѣ заповѣди или частныя нормы поведенія христіанина, которыя указаны Господомъ, особенно въ Его нагорной бесѣдѣ, такими, которыя могутъ и должны осуществляться въ жизни и явиться въ своемъ осуществленіи путемъ къ водворенію на землѣ среди людей Царства Божія. А что же дѣлать съ вѣковыми человѣческими обычаями и преданіями? Что дѣлать со всѣмъ тѣмъ, что противорѣчитъ идеѣ равенства и братства людей, какъ дѣтей одного Небеснаго Отца, что подавляетъ христіанскую свободу, что несовмѣстимо съ закономъ любви и прощенія? Отвергнуть все это, если вы вѣрите во Христа и Его Евангеліе, или отвергнуть Христа и Евангеліе, если вы вѣрите въ жизнь міра и въ ея правду—таковъ былъ отвѣтъ гр. Толстого. Онъ высоко поднялъ знамя, на одной сторонѣ котораго было написано: „ищите Царствія Божія и правды Его", и этотъ святой девизъ привлекъ сердца людей, тоскующихъ по Богѣ и правдѣ, къ великому русскому писателю, а послѣдній обезсмертилъ свое имя горячей и преданной любовью къ добру, пониманіемъ его великой внутренней силы и святости.

---

[1]) „Царство Божіе внутри васъ", ч. I, стр. 134 (Берлинское изданіе).

Ученіе Л Н Толстого, такъ недавно еще ушедшаго отъ насъ, достаточно знакомо русскому обществу. Подробно излагать это ученіе не буду, но отмѣчу тѣ основныя положенія, которыми опредѣляется взглядъ гр. Толстого на отношеніе Евангелія къ жизни. Первое утвержденіе въ этомъ случаѣ—утвержденіе жизненности евангельскаго идеала нравственнаго совершенства. „Христовъ идеалъ—приводитъ Левъ Николаевичъ слова, типичныя для современнаго христіанина,—недостижимъ, поэтому не можетъ служить намъ руководствомъ въ жизни; о немъ можно говорить, мечтать, но для жизни онъ неприложимъ“ [1]).Дѣйствительность, какъ уже было упомянуто, видимо подтверждала подобныя соображенія: всѣми признавалась высота и чистота Христова ученія, но жизнь утверждалась на другихъ основахъ. Но съ этимъ-то разсужденіемъ и не соглашается прежде всего гр. Толстой. „Это разсужденіе, говоритъ онъ, съ самаго начала невѣрно; невѣрно прежде всего то, чтобы идеалъ безконечнаго совершенства не могъ быть руководствомъ къ жизни, и чтобы нужно было, глядя на него, или махнуть рукой, сказавъ, что онъ мнѣ не нуженъ, такъ какъ я никогда не достигну его, или принизить идеалъ до тѣхъ ступеней, на которыхъ хочется стоять моей слабости... Идеалъ совершенства, данный Христомъ, не есть мечта или предметъ риторическихъ проповѣдей, а есть самое необходимое, всѣмъ доступное руководство нравственной жизни людей... Въ какомъ бы ни находился человѣкъ положеніи, всегда достаточно идеала ученія, даннаго Христомъ, для того, чтобы получить самое вѣрное указаніе тѣхъ поступковъ, которые должно и не должно совершать. Но надо вѣрить этому ученію вполнѣ, этому одному ученію,—перестать вѣрить во всѣ другія... Христіанское ученіе идеала есть то единое ученіе, которое можетъ руководить человѣчествомъ. Нельзя, не должно замѣнять идеалъ Христа внѣшними правилами, а надо твердо держать этотъ идеалъ передъ собой во всей чистотѣ его и, главное, вѣрить въ него“ [2]).

---

[1]) „Послѣсловіе къ Крейцеровой сонатѣ“, “Всемір Вѣст.“, февр. 1906 г., стр. 17.

[2]) Тамъ же, стр. 17—20.

Итакъ, Евангеліе возвѣщаетъ жизненную истину. „Христосъ училъ истинѣ, и если истина отвлеченная есть истина, то она будетъ истиною и въ дѣйствительности. Если жизнь въ Богѣ есть единая жизнь истинная, блаженная сама въ себѣ, то она истинна, блаженна здѣсь на землѣ при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ жизни. Если бы жизнь здѣсь не подтверждала ученія Христа о жиани, то это ученіе было бы не истинно“ [1]). И самъ Христосъ „понималъ свое ученіе, не какъ какой-то далекій идеалъ человѣчества, исполненіе котораго невозможно .. Онъ понималъ свое ученіе, какъ дѣло, такое дѣло, которое спасетъ человѣчество. И Онъ не мечталъ на крестѣ, а кричалъ и умеръ за свое ученіе, и также умирали и умрутъ еще много людей. Нельзя говорить про такое ученіе, что оно мечта“ [2]). Конечно, христіанскій идеалъ безконечнаго совершенства не можетъ быть всецѣло достигнутъ человѣкомъ, какъ существомъ ограниченнымъ Но вся жизнь послѣдняго должна опредѣляться стремленіемъ приближаться къ этому идеалу, осуществлять его, и въ этомъ только случаѣ самый идеалъ будетъ жизненнымъ. „Совершенство, указываемое христіанамъ, безконечно и никогда не можетъ быть достигнуто, и Христосъ даетъ свое ученіе, имѣя въ виду то, что полное совершенство никогда не будетъ достигнуто, но что стремленіе къ полному безконечному совершеству постоянно будетъ увеличивать благо людей, и что благо это поэтому можетъ быть увеличиваемо до безконечности... Истинная жизнь, по прежнимъ ученіямъ, состоитъ въ исполненіи правилъ закона; по ученію Христа, она состоитъ въ наибольшемъ приближеніи къ указанному и сознаваемому каждымъ человѣкомъ въ себѣ божескому совершенству... Только этотъ идеалъ полнаго безконечнаго совершенства дѣйствуетъ на людей и побуждаетъ ихъ къ дѣятельности. Умѣренное совершенство теряетъ свою силу воздѣйствія на души людей. Ученіе Христа только тогда имѣетъ силу, когда оно требуетъ полнаго совершенства, т. е. сліянія божеской сущности, находящейся въ душѣ каждаго человѣка, съ волей Бога,—соединенія сына съ Отцомъ. .

---

[1]) „Въ чемъ моя вѣра“, „Всемірн. Вѣст“, февр. 1906 г., стр. 116.
[2]) Тамъ же, стр. 29.

Жизнь человѣческая есть составная изъ жизни животной и жизни Божеской И чѣмъ больше приближается эта составная жизнь къ жизни Божеской, тѣмъ больше жизни Жизнь, по ученію христіанскому, есть движеніе къ Божескому совершенству". „Ученіе Христа руководитъ людьми указаніемъ имъ того безконечнаго совершенства, къ которому свойственно произвольно стремиться всякому человѣку, на какой бы ступени несовершенства онъ ни находился" [1]) И, по мысли гр. Толстого, въ нагорной проповѣди выраженъ Христомъ и вѣчный идеалъ, къ которому свойственно стремиться людямъ, и та степень его достиженія, которая уже можетъ быть въ наше время достигнута людьми" [2]) И заповѣди нагорной проповѣди [3]), по гр. Толстому, суть только какъ бы „замѣтки на безконечномъ пути совершенства, къ которому идетъ человѣчество", и заповѣди эти не какой-либо недостижимый идеалъ, но обязательная норма жизни, которая указываетъ „степень, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться въ достиженіи идеала" [4]) Много спорили съ Л. Н. Толстымъ относительно правильности пониманія имъ частнаго смысла этихъ заповѣдей, но общій смыслъ ихъ безспоренъ, конечно, одинаково и для православнаго богослова и для гр. Толстого. Всѣ согласны съ тѣмъ, что въ человѣческомъ обществѣ, живущемъ по закону Христову, не должно быть гнѣва, развода, клятвы, насилія, вражды національностей... Сущность и жизненный интересъ спора сосредоточивался не на томъ, можно ли оставить въ Евангеліи Матѳея (V, 22) слово „напрасно" или какъ понимать слова стиха 32: „кромѣ вины любодѣянія",—но на томъ: эти заповѣди могутъ ли и должны ли стать дѣйствительнымъ руководствомъ въ жизни современнаго христіанскаго общества, или же должны считаться нормами недости-

---

[1]) „Царство Божіе внутри насъ", стр. 139—143.

[2]) „Мысли о новомъ жизнепониманіи", стр. 190, изд 1907 г

[3]) Заповѣдей этихъ пять по счету Л. Н. Толстого. Первая заповѣдь—не оскорблять людей словомъ. Вторая—чистота брачной жизни. Третья—не клясться. Четвертая—не платить зломъ за зло, терпѣть обиды, отдавать рубаху. Пятая—не дѣлать зла врагамъ, говорить о нихъ доброе, не дѣлать различія между ними и своими согражданами Тамъ же, стр. 190—191.

[4]) Тамъ же, стр. 190.

жимо-идеальными, осуществленіе которыхъ возможно лишь въ какомъ-то новомъ совершенномъ обществѣ, въ какомъ-то неизвѣстномъ будущемъ. И гр. Л. Н. Толстой съ истиннымъ духовнымъ мужествомъ взялъ на себя задачу доказать, что эти заповѣди—не утопическія мечтанія, но истинно жизненныя правила поведенія; что и теперь, когда въ жизни царятъ тьма и злоба, эти заповѣди въ своемъ осуществленіи должны явиться источникомъ свѣта въ жизни и путемъ къ ея совершенствованію. Въ этомъ, именно, пунктѣ ученіе Льва Николаевича поднимается на высоту истинно христіанскаго воодушевленія, и защита высшей разумности и спасительности ученія Христова останется навсегда памятникомъ того, насколько человѣческая совѣсть способна постигать духовную силу добра. Для Льва Николаевича центръ тяжести въ отрицательныхъ, по его терминологіи, заповѣдяхъ нагорной проповѣди и заключается въ ученіи Господа о непротивленіи злу или злому. Поэтому и свою мысль о томъ, что заповѣди Христовы исполнимы здѣсь и теперь, гр. Толстой утверждаетъ главнымъ образомъ на доказательствѣ того, что исполненіе заповѣди о непротивленіи возможно для современнаго человѣка, и направлена эта заповѣдь не къ тому, чтобы увеличить его страданія, но напротивъ, къ повышенію его блага и истинной радости. Подобный же смыслъ имѣютъ и другія заповѣди Христа Спасителя: онѣ отвѣчаютъ вполнѣ внутреннему стремленію нашего сердца и должны явиться не обремененіемъ нашей жизни, но спасти ее отъ гибели. „Христосъ не призываетъ къ худшему отъ лучшаго, а напротивъ—къ лучшему отъ худшаго. Онъ жалѣетъ людей... Онъ говоритъ, что ученики Его будутъ гонимы за Его ученіе и должны терпѣть и переносить гоненія міра съ твердостью. Но Онъ не говоритъ, что, слѣдуя Его ученію, они будутъ терпѣть больше, чѣмъ слѣдуя ученію міра; напротивъ, Онъ говоритъ, что тѣ, которые будутъ слѣдовать ученію міра, тѣ будутъ несчастны, а тѣ, которые будуть слѣдовать Его ученію, тѣ будутъ блаженны... Разбирая отвлеченно вопросъ о томъ, чье положеніе будетъ лучше: учениковъ Христа или учениковъ міра, нельзя не видѣть, что положеніе учениковъ Христа должно быть лучше уже потому, что ученики Христа, дѣлая всѣмъ добро,

не будутъ возбуждать ненависти въ людяхъ. Ученики Христа, не дѣлая никому зла, могутъ быть гонимы только злыми людьми; ученики же міра должны быть гонимы всѣми, такъ какъ законъ жизни учениковъ міра есть законъ борьбы, т. е. гоненіе другъ друга“ [1]). „Исполненіе ученія Христа трудно. Христосъ говоритъ: кто хочетъ слѣдовать мнѣ, тотъ оставь домъ, поля, братьевъ и иди за Мной, Богомъ, и тотъ получитъ въ мірѣ этомъ во сто разъ больше домовъ, полей, братьевъ и, сверхъ того, жизнь вѣчную. И никто не идетъ. А въ ученіи міра сказано: брось домъ, поля, братьевъ, уйди изъ деревни въ гнилой городъ... живи безобразной жизнью, кончающейся всегда мучительной смертью, и ты ничего не получишь въ мірѣ этомъ и не получишь никакой вѣчной жизни. И всѣ пошли... и никто не находитъ, что это трудно... Можно бы повѣрить, что исполненіе ученія Христа трудно и страшно, и мучительно, если бы исполненіе ученія міра было очень легко и безопасно, и пріятно. Но вѣдь ученіе міра много труднѣе, опаснѣе и мучительнѣе исполненія ученія Христа Были когда-то, говорятъ, мученики Христа, но это было исключеніе; ихъ насчитываютъ у насъ 380 тысячъ— вольныхъ и невольныхъ за 1800 лѣтъ; но сочтите мучениковъ міра—и на одного мученика Христа придется 1000 мучениковъ ученія міра, страданія которыхъ въ 100 разъ ужаснѣе Однихъ убитыхъ на войнахъ нынѣшняго столѣтія (XIX) насчитываютъ тридцать милліоновъ человѣкъ. Вѣдь это все мученики ученія міра... Не мученикомъ надо быть во имя Христа, не этому учитъ Христосъ. Онъ учитъ тому, чтобы перестать мучить себя во имя ученія міра“ [2]). „Христосъ призываетъ людей къ ключу воды, которая тутъ подлѣ нихъ... Стоитъ только повѣрить Христу, что Онъ принесъ благо на землю, повѣрить, что Онъ дастъ намъ, жаждущимъ, ключъ воды живой, и придти къ нему, чтобы увидѣть... какъ безумны наши страданія, когда спасеніе наше такъ близко... Поколѣнія за поколѣніями мы трудимся надъ обезпеченіемъ своей жизни посредствомъ насилія и упроченія своей собственности.

---

[1]) „Въ чемъ моя вѣра“, стр. 116—117.

[2]) Тамъ же, стр. 124—125.

Счастье нашей жизни представляется намъ въ наибольшей власти и наибольшей собственности Мы такъ привыкли къ этому, что ученіе Христа о томъ, что счастье человѣка не можетъ зависѣть отъ власти и имѣнія, что богатый не можетъ быть счастливъ, представляется намъ требованіемъ жертвы во имя будущихъ благъ. Христосъ же и не думаетъ призывать насъ къ жертвѣ, Онъ, напротивъ, учитъ насъ не дѣлать того, что хуже, а дѣлать то, что лучше для насъ здѣсь, въ этой жизни... Онъ говоритъ, что человѣкъ, живущій по Его ученію, долженъ быть готовъ умереть во всякую минуту отъ насилія другого, отъ холода и голода, и не можетъ разсчитывать ни на одинъ часъ своей жизни И намъ кажется это страшнымъ требованіемъ какихъ-то жертвъ; а это только утвержденіе тѣхъ условій, въ которыхъ неизбѣжно живетъ всякій человѣкъ. Ученикъ Христа долженъ быть готовъ во всякую минуту на страданія и смерть. Но ученикъ міра развѣ не въ томъ же положеніи? Мы такъ привыкли къ нашему обману, что все, что мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни: наши войска, крѣпости, наши запасы, наши одежды, наши лѣченія, все наше имущество, наши деньги, кажется намъ чѣмъ-то дѣйствительнымъ, серьезно обезпечивающимъ нашу жизнь. Мы такъ привыкли къ этому обману мнимаго обезпеченія своей жизни и своей собственности, что и не замѣчаемъ всего, что мы теряемъ изъ-за него; а теряемъ мы все—всю жизнь. Вся жизнь поглощается заботой объ этомъ обезпеченіи жизни, приготовленіемъ къ ней, такъ что жизни совсѣмъ не остается. Вѣдь стоитъ на минуту отрѣшиться отъ своей привычки и взглянуть на нашу жизнь со стороны, чтобы увидѣть, что все, что мы дѣлаемъ для мнимаго обезпеченія нашей жизни, мы дѣлаемъ не для того, чтобы обезпечить нашу жизнь, а только для того, чтобы, занимаясь этимъ, забывать о томъ, что жизнь никогда не обезпечена и не можетъ быть обезпечена... Ученіе Христа о томъ, что жизнь нельзя обезпечить и надо всегда, всякую минуту, быть готовымъ умереть, несомнѣнно лучше, чѣмъ ученіе міра о томъ, что надо обезпечить свою жизнь; лучше тѣмъ, что неизбѣжность смерти и необезпеченность жизни остается та же при ученіи міра и при ученіи Христа, но сама жизнь,

по ученію Христа, не поглощается уже вся безъ остатка праздным занятіемъ мнимаго обезпеченія своей жизни, а становится свободной и можетъ быть отдана единой, свойственной ей цѣли—благу себѣ и людямъ“ [1]).

Мы привели лишь небольшіе отрывки изъ тѣхъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого, гдѣ онъ защищаетъ жизненное значеніе ученія Христова. И во множествѣ другихъ мѣстъ онъ предусматриваетъ возраженія противъ исполнимости заповѣдей Христовыхъ и нерѣдко съ несокрушимой силой обнаруживаетъ въ этихъ возраженіяхъ невѣріе въ силу добра. Вотъ нѣкоторые примѣры такой защиты жизненности заповѣдей Христовыхъ.

„Всякое ученіе истины—мечта для заблудшихъ. Мы до того дошли, что есть много людей, которые говорятъ, что ученіе это (Христово) мечтательно, потому что оно несвойственно природѣ человѣка. Несвойственно, говорятъ, природѣ человѣка подставить другую щеку, когда его ударятъ по одной, несвойственно отдать свое чужому, несвойственно работать не на себя, а на другого. Человѣку свойственно, говорятъ, отстаивать себя, свою безопасность, безопасность своей семьи, собственность, другими словами—человѣку свойственно бороться за свое существованіе .. Но стоитъ на минуту отрѣшиться отъ той мысли, что устройство, которое существуетъ и сдѣлано людями, есть наилучшее священное устройство жизни, чтобы возраженіе о томъ, что ученіе Христа несвойственно природѣ человѣка, тотчасъ же обратилось противъ возражателей. Кто будетъ спорить о томъ, что не то что мучить и убивать человѣка, но мучить собаку, убить курицу и теленка противно природѣ человѣка. А между тѣмъ все устройство нашей жизни таково, что всякое личное благо человѣка пріобрѣтается страданіями другихъ людей, которыя противны природѣ человѣка... Не будемъ только утверждать, что привычное зло, которымъ мы пользуемся, есть неизмѣнная божественная истина, и тогда ясно, что естественно и свойственно человѣку: насиліе или законъ Христа... Стоитъ только понять разъ, что всякая радость моя, всякая минута

[1]) „Въ чемъ счастье“, т. 13, стр. 19—20, изд. 1890 г.

спокойствія при нашемъ устройствѣ жизни, покупается лишеніями и страданіями тысячъ, удерживаемыхъ насиліемъ, стоитъ разъ понять это, чтобы понять, что свойственно всей природѣ человѣка, т. е. не одной животной, но и разумной и животной природѣ человѣка; стоитъ только понять законъ Христа во всемъ его значеніи, со всѣми его послѣдствіями; для того, чтобы понять, что не ученіе Христа несвойственно человѣческой природѣ, но все оно только въ томъ и состоитъ, чтобы откинуть несвойственное человѣческой природѣ мечтательное ученіе людей о противленіи злу, дѣлающее ихъ жизнь несчастною [1]). „И кто ударитъ тебя въ правую щеку... подставь лѣвую“... Эти слова представлялись мнѣ требованіемъ страданій, лишеній, несвойственныхъ человѣческой природѣ. Слова эти умиляли меня, мнѣ чувствовалось, что было бы прекрасно исполнить ихъ. Но мнѣ чувствовалось тоже и то, что я никогда не буду въ силахъ исполнить ихъ только для того, чтобы страдать... Теперь мнѣ стало ясно, что Христосъ ничего не преувеличиваетъ и не требуетъ никакихъ страданій для страданій... Онъ говоритъ: „не противьтесь злому и, дѣлая такъ, впередъ знайте, что могутъ найтись люди, которые, ударивъ васъ по одной щекѣ и не встрѣтивъ отпора, ударятъ и по другой; отнявъ рубаху, отнимутъ и кафтанъ; воспользовавшись вашей работой, заставятъ еще работать, будутъ брать безъ отдачи. И вотъ, если это такъ будетъ, то вы все-таки не противьтесь злому. Тѣмъ, которые будутъ васъ бить и обижать, все-таки дѣлайте добро“.. И когда я понялъ эти слова такъ, какъ они сказаны..., я понялъ, что Христосъ нисколько не велитъ подставлять щеку и отдавать кафтанъ для того, чтобы страдать, а велитъ не противиться злому и говоритъ, что при этомъ придется можетъ быть и страдать. Точно такъ же, какъ отецъ, отправляя своего сына въ далекое путешествіе, не приказываетъ своему сыну не досыпать ночей, не доѣдать, мокнуть и зябнуть, если онъ скажетъ: „ты иди дорогой, и если придется тебѣ и мокнуть и зябнуть, ты все-таки иди“... Я вѣрю, что жизнь моя по ученію міра была мучительна, и что только жизнь по уче-

[1]) „Въ чемъ моя вѣра“, стр. 30—31.

нію Христа дастъ мнѣ въ этомъ мірѣ то благо, которое предназначилъ мнѣ отецъ жизни. Я вѣрю, что ученіе это даетъ благо всему человѣчеству, спасаетъ меня отъ неизбѣжной погибели и даетъ мнѣ здѣсь наибольшее благо [1]).—„Ученикъ Христа будетъ бѣденъ,—предусматриваетъ Л. Н. Толстой возраженія противъ исполнимости заповѣдей Христовыхъ Да, онъ будетъ пользоваться всегда всѣми тѣми благами, которыя ему далъ Богъ... Бѣденъ—это значитъ: онъ будетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, не будетъ сидѣть дома, а будетъ работать въ лѣсу, въ полѣ, будетъ видѣть свѣтъ солнца, землю, небо, животныхъ; не будетъ придумывать, что ему съѣсть, чтобы возбудить аппетитъ.., будетъ имѣть дѣтей, будетъ жить съ ними, будетъ въ свободномъ общеніи со всѣми людьми... Болѣть, страдать, умирать онъ будетъ такъ же, какъ и всѣ (судя по тому, какъ болѣютъ и умираютъ бѣдные—лучше, чѣмъ богатые), но жить онъ будетъ несомнѣнно счастливѣе... „Но никто не будетъ кормить тебя, и ты умрешь съ голоду“, говорятъ на это. На возраженіе о томъ, что человѣкъ, живя по ученію Христа, умретъ съ голоду, Христосъ отвѣтилъ однимъ короткимъ изреченіемъ: трудящійся достоинъ пропитанія... Для того, чтобы понять это слово въ его настоящемъ значеніи, надо прежде всего отрѣшиться отъ привычнаго намъ представленія о томъ, что блаженство человѣка есть праздность. Надо возстановить то свойственное всѣмъ неиспорченнымъ людямъ представленіе, что необходимое условіе счастья человѣка есть не праздность, а трудъ... Работа производитъ пищу, пища производитъ работу—это вѣчный кругъ· одно слѣдствіе и причина другого... При теперешнемъ устройствѣ міра люди, не исполняющіе законовъ Христа, но трудящіеся для ближняго, не имѣя собственности, не умираютъ отъ голода. Какъ же возражать противъ ученія Христа, что исполняющіе Его ученіе, т. е. трудящіеся для ближняго, умрутъ съ голода?.. Среди язычниковъ христіанинъ будетъ также обезпеченъ, какъ и среди христіанъ. Онъ работаетъ на другихъ, слѣдовательно онъ нуженъ имъ, и потому его будутъ кормить. Собаку, которая нужна, и ту кор-

[1]) Стр. 8—9, 157.

мятъ и берегутъ, какъ же не кормить и не беречь человѣка, который всѣмъ нуженъ? Но бѣдный человѣкъ, человѣкъ съ семействомъ, съ дѣтьми не нуженъ, не можетъ работать,—и его перестанутъ кормить, скажутъ тѣ, которымъ непремѣнно хочется доказать справедливость звѣрской жизни. Они скажутъ это, они и говорятъ это, и сами не видятъ того, что они сами, говорящіе это... поступаютъ совсѣмъ иначе. Эти самые люди, тѣ, которые не признаютъ приложимости ученія Христа—исполняютъ его. Они не перестаютъ кормить овцу, быка, собаку, которая заболѣетъ. Они даже старую лошадь не убиваютъ, а даютъ ей по силамъ работу; они кормятъ семейство ягнятъ, поросятъ, щенятъ, ожидая отъ нихъ пользы; такъ какъ же они не найдутъ посильной работы старому и малому, и какъ же не станутъ выращивать людей, которые будутъ на нихъ еще работать?“ [1]).

Какъ было отмѣчено, главное вниманіе въ ученіи Господа гр. Толстой удѣляетъ заповѣди о непротивленіи злу или злому (Мѳ. V, 39). Пониманіе Л. Н. Толстымъ этой заповѣди вызвало наиболѣе горячія нападки на его ученіе со стороны какъ вѣрующихъ, такъ и не вѣрующихъ. Естественно, что и развивается этотъ пунктъ въ сочиненіяхъ Льва Николаевича преимущественно въ формѣ полемической. Не буду слѣдить за ходомъ этой полемики [2]). Отмѣчу лишь самое существенное по вопросу, именно о жизненномъ значеніи принципа непротивленіе злу насиліемъ. Это самое существенное, на мой

---

[1]) Стр. 129—133.

[2]) Особенно много мѣста этой полемикѣ гр. Толстой удѣляетъ въ своемъ сочиненіи „Царство Божіе внутри васъ“. Здѣсь послѣдовательно опровергаются слѣдующія возраженія противъ долга исполнять заповѣдь о непротивленіи злу: во 1-хъ, что будто бы Христосъ Спаситель разрѣшалъ насиліе; во 2-хъ, что безъ насилія погибнутъ добрые; въ 3-хъ, что насиліе законно для защиты другого; въ 4-хъ, что заповѣдь о непротивленіи не есть принципъ жизни, но лишь ея частное правило, нарушать которое свойственно человѣческой слабости (часть 1); въ 5-хъ, что начало непротивленія злу несовмѣстимо съ государствомъ: въ 6-хъ, что необходимость насилія обусловливается существованіемъ дикихъ народовъ, которые могутъ разрушить нашу цивилизацію (часть 2). Подробно разбираются гр. Толстымъ возраженія противъ интересующаго насъ пункта его ученія и въ другихъ его сочиненіяхъ.

взглядъ, состоитъ въ разрѣшеніи вопроса объ одиночествѣ христіанина, готоваго въ своей жизни исполнять ученіе Христово, въ той видимой гибели, которая неизбѣжно грозитъ ему, какъ гражданину другого, враждебнаго міру царства „Положимъ, говоритъ Л. Н. Толстой, что ученіе Христово даетъ блаженство міру; положимъ, что оно разумно, и человѣкъ на основаніи разума не имѣетъ права отрекаться отъ него, но что дѣлать одному среди міра людей, не исполняющихъ законъ Христа? Если бы всѣ люди вдругъ согласились исполнять ученіе Христа, тогда бы исполненіе его было возможно. Но нельзя одному человѣку итти противъ всего міра. „Если я одинъ среди міра людей, не исполняющихъ ученіе Христа, говорятъ обыкновенно, стану исполнять его, буду отдавать то, что имѣю, буду подставлять щеку, не защищаясь, буду даже не соглашаться на то, чтобы итти присягать и воевать, меня оберутъ, и если я не умру съ голода, меня изобьютъ до смерти, и если не изобьютъ, то посадятъ въ тюрьму или разстрѣляютъ, и я напрасно погублю все счастье своей жизни и всю свою жизнь“. Возраженіе это основано на томъ же недоразумѣніи, на которомъ основывается и возраженіе о неисполнимости ученія Христа... Христосъ предлагаетъ свое ученіе о жизни какъ спасеніе отъ той губительной жизни, которою живутъ люди, не слѣдуя Его ученію, и вдругъ я говорю, что я бы радъ послѣдовать Его ученію, да мнѣ жалко погубить свою жизнь. Христосъ учитъ спасенію отъ гибельной жизни, а я жалѣю эту погибельную жизнь.. Итакъ, что же я долженъ дѣлать, если одинъ понялъ ученіе Христа и повѣрилъ въ него, одинъ среди не понимающихъ и не исполняющихъ его: что мнѣ дѣлать? Жить, какъ всѣ, или жить по ученію Христа? Я понялъ ученіе Христа въ Его заповѣдяхъ и вижу, что исполненіе ихъ даетъ блаженство и мнѣ, и всѣмъ людямъ міра. Я понялъ, что исполненіе этихъ заповѣдей есть воля того начала всего, отъ котораго произошла и моя жизнь. Я понялъ, кромѣ того, что что бы я ни дѣлалъ, я неизбѣжно погибну безсмысленною жизнью и смертью со всѣмъ окружающимъ меня, если я не буду исполнять этой воли Отца, и что только въ исполненіи ея—единственная возможность спасенія. Дѣлая какъ всѣ, я

навѣрно противодѣйствую благу всѣхъ людей, навѣрно дѣлаю противное волѣ Отца жизни, навѣрно лишаю себя единственной возможности улучшить свое отчаянное положеніе. Дѣлая то, чему Христосъ учитъ меня..., я содѣйствую благу всѣхъ людей..., дѣлаю то, что хочетъ отъ меня тотъ, кто произвелъ меня, и дѣлаю то, что одно можетъ спасти меня. Горитъ циркъ въ Бердичевѣ, всѣ жмутся и душатъ другъ друга, напирая на дверь, которая отворяется внутрь Является спаситель и говоритъ: „отступите отъ двери, вернитесь назадъ; чѣмъ больше вы напираете, тѣмъ меньше надежды спасенія. Вернитесь, и вы найдете выходъ и спасетесь". Многіе ли, одинъ ли я услыхалъ это и повѣрилъ, все равно; но услыхавши и повѣривши, что же я могу сдѣлать, какъ не то, чтобы пойти назадъ и звать всѣхъ на голосъ спасителя? Задушатъ, задавятъ, убьютъ меня можетъ быть; но спасеніе для меня все-таки лишь въ томъ, чтобы итти туда, гдѣ единственный выходъ... Циркъ горитъ часъ, и надо спѣшить, и люди могутъ не успѣть спастись. Но міръ горитъ уже 1800 лѣтъ, горитъ съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ сказалъ: Я огонь низвелъ на землю; и какъ томлюсь, пока онъ разгорится,—и будетъ горѣть, пока не спасутся люди... И понявъ это, я понялъ и повѣрилъ, что Іисусъ не только Мессія, Христосъ, но что Онъ точно и Спаситель міра. Я знаю, что выхода другого нѣтъ ни для меня, ни для всѣхъ тѣхъ, которые со мною вмѣстѣ мучаются въ этой жизни. Я знаю, что всѣмъ, и мнѣ съ ними вмѣстѣ нѣтъ другого спасенія, какъ исполнять тѣ заповѣди Христа, которыя даютъ высшее, доступное моему пониманію благо всего человѣчества. Больше ли у меня будетъ непріятностей, раньше ли я умру, исполняя ученіе Христа, мнѣ не страшно... Я умру такъ же, какъ и всѣ, такъ же, какъ и не исполняющіе ученія; но моя жизнь и смерть будетъ имѣть смыслъ и для меня и для всѣхъ. Моя жизнь и смерть будутъ служить спасенію и жизни всѣхъ,— а этому-то и училъ Христосъ. Исполняй всѣ люди ученіе Христа, и было бы царство Бога на землѣ; исполняй я одинъ— я сдѣлаю самое лучшее для всѣхъ и для себя. Безъ исполненія ученія Христа нѣтъ спасенія" [1]). „Есть религіозныя уче-

[1]) „Въ чемъ моя вѣра", стр. 85—103.

нія, которыя обѣщаютъ людямъ, слѣдующимъ имъ, полное и совершенное благо въ жизни не только въ будущей, но и въ этой. Есть даже такое пониманіе христіанскаго ученія. Люди, понимающіе такъ христіанское ученіе, говорятъ, что стоитъ только человѣку слѣдовать ученію Христа: отрекаться отъ себя, любить людей, и жизнь его будетъ непрестанной радостью. Есть другія религіозныя ученія, которыя въ жизни человѣческой видятъ нескончаемыя, необходимыя страданія, которыя человѣкъ долженъ переносить, ожидая наградъ въ будущей жизни Есть такое пониманіе и христіанскаго ученія: одни видятъ въ жизни постоянную радость, другіе—постоянное страданіе. Ни то, ни другое пониманіе невѣрно... Жизнь по христіанскому ученію въ его истинномъ смыслѣ не есть ни радость, ни страданіе, а есть рожденіе и ростъ истиннаго духовнаго я человѣка., есть постоянное увеличеніе его сознанія любви. И такъ какъ ростъ души человѣческой—увеличеніе любви—непрестанно совершается, и непрестанно совершается въ мірѣ то дѣло Божіе, которое совершается этимъ ростомъ, то человѣкъ, понимающій свою жизнь, какъ учитъ понимать ее христіанское ученіе, какъ увеличеніе любви для установленія Царства Божія, никогда не можетъ быть несчастливъ и неудовлетворенъ. На пути его жизни могутъ встрѣчаться радости и страданія, но... человѣкъ, живущій христіанской жизнью, не приписываетъ своимъ радостямъ большого значенія, не смотритъ на нихъ, какъ на осуществленіе своихъ желаній, а только какъ на случайныя, встрѣчающіяся на пути жизни явленія, какъ на то, что само собой прикладывается тому, кто ищетъ Царства Божія и правды его, и на страданія свои смотритъ не какъ на то, чего не должно быть, а какъ на столь же необходимое въ жизни явленіе, какъ треніе при работѣ, зная, напротивъ, что какъ треніе признакъ совершающейся работы, такъ и страданія признакъ совершающагося дѣла Божія“ [1]).

Каждый, лично знакомый съ сочиненіями Л. Н. Толстого, знаетъ, что составляетъ ихъ главную силу и убѣдительность, —это особенная наглядность доказательствъ и поражающая

[1]) „Христіанское ученіе“, ч. VIII, §§ 389—393.

способность великаго мыслителя видѣть и указывать такія явленія и переживанія въ нашей жизни, которыя, при всей ихъ близости и извѣстности, остаются для насъ незамѣченными. Понятно поэтому, что въ нашемъ краткомъ изложеніи взгляда Л Н. Толстого на жизненное значеніе заповѣдей Христовыхъ нѣтъ той выразительности и силы, съ какими это значеніе показывается имъ во множествѣ замѣчательныхъ мѣстъ его сочиненій. Но съ другой стороны въ нашемъ изложеніи показана только одна сторона того знамени, съ какимъ шелъ въ жизни великій усопшій проповѣдникъ, та сторона, на которой начертанъ призывъ: ищите Царства Божія и Его правды, призывъ святой равно для всѣхъ, исповѣдующихъ ученіе Христово, предъ которымъ преклоняется совѣсть каждаго, и за проповѣдь котораго, защиту и уясненіе о Л. Н. Толстомъ сохранится благодарная память въ человѣчествѣ. Эта именно сторона ученія гр. Толстого дѣйствительно можетъ послужить и тому великому дѣлу, служеніе которому онъ ставилъ цѣлью своей жизни—увеличенію любви въ человѣчествѣ. Но знамя гр. Толстого имѣло и обратную сторону, гдѣ были начертаны слова не любви, но злобы и непониманія, гдѣ былъ начертанъ роковой призывъ: долой отъ Церкви съ ея вѣрою въ живого тріипостаснаго Бога, Христа воскресшаго и душу человѣка лично безсмертную. Л. Н. Толстой умеръ отлученнымъ отъ Церкви. Но не будь этого внѣшняго акта отлученія, все равно этотъ обратный девизъ его жизни и дѣятельности ставилъ его внѣ Церкви, внѣ соборнаго познаванія истины Христовой. Остается вѣрить и желать, чтобы то святое сѣмя истинной любви и преданности добру, которое посѣяно Львомъ Николаевичемъ, росло и приносило плодъ свой и заглушило постепенно тѣ сѣмена непріязни и раздраженія, которыя могутъ только тормазить дѣло Божіе на землѣ... Для нашей цѣли нѣтъ нужды въ настоящемъ очеркѣ слѣдить за гр. Толстымъ въ его движеніи по пути и со знаменемъ отрицанія, и мы можемъ ограничиться сдѣланнымъ нами краткимъ изложеніемъ его проповѣди истиннаго добра и любви. Только одинъ пунктъ въ отрицательномъ ученіи гр. Толстого долженъ быть отмѣченъ нами, когда рѣчь идетъ о вѣрѣ самого графа въ жизненное значеніе

заповѣдей Христовыхъ. Пунктъ этотъ—убѣжденіе самого Льва Николаевича, что однимъ изъ важнѣйшихъ тормазовъ на пути реализаціи ученія Христова въ жизни является догматическая вѣра Церкви въ грѣхопаденіе прародителей [1]), искупленіе Господомъ Іисусомъ Христомъ вины человѣка и дарованіе міру благодати Св Духа [2]), а особенно вѣра въ будущее воскресеніе и личную загробную жизнь [3]). Ошибочность этого сужденія гр. Л. Н. Толстого ясна будетъ сама собой, когда мы будемъ излагать ученіе одного изъ учителей историческаго христіанства. Теперь мы и переносимся мыслію за 1500 лѣтъ назадъ и попытаемся показать, какъ смотрѣлъ на отношеніе Евангелія къ жизни величайшій церковный проповѣдникъ И мы увидимъ, что на высоко поднятомъ его словомъ и страдальческой жизнью знамени съ одной стороны былъ начертанъ тотъ же святой призывъ, что и у Л. Н. Толстого· ищите Царства Божія и правды Его, а на другой—слова всецѣлой преданности ученію Церкви. Само собою предполагается, что взглядъ св. Іоанна Златоустаго на отношеніе Евангелія къ жизни и свидѣтельства его вѣры въ жизненное значеніе заповѣдей Христовыхъ мы изложимъ лишь отрывочно и по возможности параллельно изложенному уже взгляду на этотъ предметъ Л. Н. Толстого.

Какъ для гр. Толстого былъ ясенъ разладъ Евангельскихъ заповѣдей и устоевъ наличной жизни христіанъ, и этотъ разладъ заставлялъ его тяжко страдать, такъ подобное же можно сказать и относительно великаго церковнаго учителя. Ему пришлось проповѣдывать въ такихъ культурныхъ центрахъ, какъ Антіохія и Константинополь. Въ послѣднемъ особенно святитель долженъ былъ столкнуться съ укладомъ жизни своихъ пасомыхъ, а въ значительной мѣрѣ и пастырей, который до противоположности расходился съ завѣтомъ евангельской любви. Живое сознаніе этого разлада и боль отъ этого сознанія постоянно вызывали св. Іоанна на горячую и воодушевленную проповѣдь, обличающую неправый путь че-

---

[1]) Напр., „Въ чемъ моя вѣра“, стр. 77.

[2]) Тамъ же, стр. 73—76 и др.

[3]) Тамъ же, стр. 82, 100 и мн. др.

ловѣчества, называющаго себя христіанскимъ, и призывающую къ жизни по заповѣдямъ Христа „Если бы,—говоритъ въ одной бесѣдѣ святитель, характеризируя отношеніе жизни современныхъ ему христіанъ къ евангельской ея нормѣ,—кто со стороны пришелъ бы къ намъ, и хорошо узналъ и заповѣди Христовы и разстройство нашей жизни, то не знаю, какихъ бы еще могъ онъ представить себѣ другихъ враговъ Христа хуже насъ, потому что мы идемъ такою дорогой, какъ будто рѣшились итти противъ заповѣдей Его“ [1]). „Я вижу, что многочисленныя чада церкви повержены нынѣ долу, подобно мертвому тѣлу. И какъ въ тѣлѣ недавно умершемъ, хотя можно видѣть и глаза и руки, и ноги, и шею, и голову, однако ни одинъ членъ не исполняетъ своего дѣла, такъ и здѣсь присутствующіе. Здѣсь всѣ—вѣрные, но вѣра ихъ бездѣйственна. Мы погасили ревность, и тѣло Христово сдѣлали мертвымъ Страшно говорить это; но гораздо страшнѣе видѣть на самомъ дѣлѣ. По имени мы братья, а по дѣламъ враги; всѣ называемся членами одного тѣла, а чужды другъ другу, какъ звѣри“ [2]). И св. Іоаннъ убѣжденъ, что такое несогласіе жизни и вѣры христіанъ унижаетъ самые догматы Церкви и тормазитъ дѣло Божіе на землѣ. По мысли святителя, тѣ самые догматы, которые по мнѣнію гр. Толстого могли усыплять совѣсть христіанъ, эти самые догматы и требуютъ отъ вѣрующихъ слѣдованія заповѣдямъ Христа. „Великое дѣло—жизнь, возлюбленные... То и ослабляетъ важность нашей жизни, то и низвращаетъ все, что никто нисколько не думаетъ о жизни; это унижаетъ вѣру. Мы говоримъ, что Христосъ есть Богъ, предлагаемъ множество и другихъ догматовъ, между прочимъ говоримъ и то, что Онъ заповѣдалъ всѣмъ жить праведно; но на самомъ дѣлѣ, это у немногихъ“ [3]). „Когда язычникъ увидитъ, что ты любомудрствуешь о царствѣ и тѣмъ не менѣе прилѣпленъ къ настоящему, боишься геенны и трепещешь здѣшнихъ бѣдствій.., онъ станетъ укорять тебя и скажетъ: если желаешь царства, по-

---

[1]) Слово I, „О сокрушеніи“, т. 1, стр. 130—131.
[2]) Бесѣда XXVII на 2 Коринѳ., т. 10, стр. 704.
[3]) Бесѣда XLVII на Дѣянія Апост., т. 9, стр. 412.

чему не презираешь настоящаго; если ожидаешь Страшнаго Суда, то почему не презираешь здѣшнихъ бѣдствій; если надѣешься на безсмертіе, почему страшишься смерти? Когда онъ увидитъ, что ты, ожидая неба, боишься потери денегъ, бываешь весьма радъ каждой малой монетѣ и за монету отдаешь душу, тогда и подумай: вѣдь это, это именно и соблазняетъ язычника" [1]) „Вѣдь когда язычникъ увидитъ, что тотъ, кому заповѣдано любить и враговъ... обращается съ одноплеменниками, какъ съ дикими звѣрями, онъ назоветъ наши слова пустыми бреднями. Когда увидитъ, что христіанинъ трепещетъ смерти, какъ приметъ слова о безсмертіи?"... [2]). „Будемъ вѣрить Божественному Писанію и, слѣдуя тому, что въ немъ сказано, будемъ стараться хранить въ душахъ своихъ здравые догматы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вести правильную жизнь, чтобы и жизнь свидѣтельствовала о догматахъ, и догматы сообщали жизни твердость" [3]). „Будемъ жить такъ, чтобы не хулилось имя Божіе.. Если бы мы соблюдали заповѣди Христовы, если бы мы благодушно переносили обиды и насилія, если бы мы, будучи укоряемы, благословляли, если бы, терпя оскорбленія, воздавали добромъ, то никто не былъ бы столь дикимъ, чтобы не обратиться къ истинной вѣрѣ... Если бы мы были такими, то сколько вселенныхъ мы обратили бы?... Теперь они (язычники) видятъ жизнь порочную, души земныя, видятъ, что мы столько же пристрастны къ деньгамъ, какъ и они, и даже еще больше, передъ смертію такъ же, какъ и они, трепещемъ, боимся бѣдности.., одинаково любимъ власть и силу.. Итакъ, ради чего они станутъ вѣровать? Ради знаменій? Но ихъ уже больше нѣтъ. Ради жизни праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но ея и слѣда нигдѣ не видно... Воспрянемъ, станемъ бодрствовать, покажемъ на землѣ житіе небесное... и на землѣ станемъ совершать подвиги" [4]).

---

[1]) Бесѣда XXVI на Послан. къ Римл., т. 9, стр. 811—812.
[2]) Бесѣда LXXII на Еванг. Іоанна, т. 8, стр. 485.
[3]) Бесѣда XIII на кн. Бытія, т. 4, стр. 107.
[4]) Бесѣда X на 1 Тимоѳ., т. 11, стр. 687—688.

Въ такихъ чертахъ св. Іоаннъ изображаетъ разладъ жизни современныхъ ему ему христіанъ и евангельскихъ заповѣдей, исповѣдуемыхъ устами. Какъ видимъ, передъ великимъ проповѣдникомъ стояла такая же проблема, какъ и передъ гр. Л. Н. Толстымъ и каждымъ современнымъ богословомъ: законъ Христовъ или законъ человѣческій, законъ борьбы за свое существованіе или законъ служенія другимъ, любовь или эгоизмъ. Не только своимъ словомъ, но всею своею жизнью и смертью св. Іоаннъ доказалъ, что для него жизнь—Христосъ, и въ своихъ бесѣдахъ этотъ святитель съ одушевленіемъ и убѣжденностію показывалъ слушателямъ, что только путь Христовъ есть путь, достойный человѣка, путь труда, но и радости; подвига, но и награды; самотреченія, но и спасенія жизни. Для вѣрующей души проповѣдника духовный невидимый міръ былъ такою же живой рельностью, какъ и міръ видимый, и естественно, что въ своихъ бесѣдахъ онъ обращался къ слушателямъ, какъ къ христіанамъ, вѣрующимъ въ будущую жизнь и личное воскресеніе. Но св. Іоаннъ, этотъ великій сердцевѣдецъ, не ограничивался рѣчью о небесномъ, но раскрывалъ нерѣдко передъ своими пасомыми и мысль о великомъ значеніи заповѣдей Христа для нашей здѣшней жизни, при чемъ въ этомъ случаѣ сужденія св. Іоанна во многомъ предупредили взгляды Льва Николаевича Толстого. Какъ послѣдній, такъ и св. Іоаннъ согласно убѣждены, что осуществленіе заповѣдей Христовыхъ еще здѣсь и теперь должно явиться залогомъ истинной свободы и радости человѣка. По мысли св. Іоанна, мы имѣемъ „возможность получить и настоящія блага и достигнуть будущихъ, если бы какъ должно повиновались заповѣдямъ Христа... Христосъ все узаконилъ надлежащимъ образомъ и показалъ, что служитъ къ нашей славѣ, и что—къ нашему позору. И, конечно, Онъ предписалъ не съ тѣмъ, чтобы сдѣлать учениковъ Своихъ смѣшными, но заповѣдалъ все это потому, что не злословить, когда слышишь злословіе, и не дѣлать зла, когда терпишь его,—это возвеличиваетъ насъ предъ всѣми... Гораздо лучше на злорѣчіе отвѣчать добромъ, хвалить оскорбляющихъ и благодѣтельствовать злоумышляющимъ на насъ. Потому Христосъ и

далъ такую заповѣдь. Онъ щадитъ[1]) учениковъ Своихъ и ясно знаетъ, что дѣлаетъ человѣка малымъ и великимъ. А если онъ щадитъ и знаетъ, то зачѣмъ ты упорствуешь и хочешь идти инымъ путемъ? Вѣдь побѣждать посредствомъ зла есть одинъ изъ діавольскихъ законовъ.. Потому-то я и скорблю, что мы не исполняемъ на дѣлѣ сказаннаго, хотя и должны пріобрѣсти отъ этого величайшія выгоды" [2]). „Богъ все дѣлаетъ, чтобы склонить насъ любить Его . Но мы непреклонны и жестокосерды. Сдѣлаемся же, наконецъ, кроткими и возлюбимъ Бога, какъ любить должно, чтобы мы могли съ полнымъ удовольствіемъ наслаждаться добродѣтелью . Въ этомъ, именно въ этомъ заключается небесное царствіе, въ этомъ—наслажденіе благами, удовольствіе, веселіе, радость, блаженство, а вѣрнѣе—что бы я ни сказалъ объ этомъ, ничто не въ состояніи будетъ изобразить его, но одинъ только опытъ можетъ съ нимъ познакомить.. Итакъ, станемъ повиноваться и наслаждаться любовью Его. И тогда еще здѣсь мы узримъ царствіе, поживемъ ангельскою жизнью и, пребывая на землѣ, будемъ имѣть у себя нисколько не меньше, чѣмъ обитающіе на небѣ, а послѣ переселенія отсюда свѣтлѣе всѣхъ предстанемъ престолу Христову" [3]).

Мы уже видѣли, что Л. Н. Толстой, настаивая на исполнимости заповѣдей Христовыхъ, отмѣчаетъ съ особою силою естественность ихъ исполненія человѣкомъ, совершенное соотвѣтствіе этихъ заповѣдей нашей природѣ. На этой же почвѣ нерѣдко утверждается и св. Іоаннъ Златоустъ. „Тогда какъ то, говоритъ святитель, что Онъ (Христосъ) повелѣваетъ дѣлать, для желающихъ легко и удобоисполнимо, а что запрещаетъ, тяжело и трудно, мы, пренебрегая Его повелѣнія, дѣлаемъ то, что воспрещено" [4]). „Что тягостнаго намъ заповѣдано? Горы ли разсѣкать. Или летать по воздуху? Или переплыть Тирентское море? Совсѣмъ нѣтъ. Намъ за-

---

[1]) По терминологіи гр. Толстого „жалѣетъ".

[2]) Бес. XXII на Посл. къ Римл., т. 9, стр. 772—773.

[3]) Бес. XXIII, стр. 783.

[4]) Слово „Объ ученіи и наставленіи", т. 12, стр. 522.

повѣданъ столь легкій образъ жизни, что не нужно никакихъ къ тому орудій,—нужна только душа и расположеніе... Что труднаго въ заповѣдяхъ Христовыхъ? Ни къ кому не питай ненависти, никого не злословь: противное гораздо тяжелѣе“ [1]). „Любить ближняго, какъ самого себя. Что можетъ быть легче этого? Ненавидѣть тяжело и сопряжено съ безпокойствомъ: а любить легко, удобно. Подлинно, если бы Господь сказалъ: вы люди любите звѣрей,—такая заповѣдь была бы трудна; но когда онъ заповѣдалъ людямъ любить людей же, къ чему и однородность, и единство происхожденія, естественное влеченіе служатъ великимъ побужденіемъ, то какая можетъ быть здѣсь трудность? Это бываетъ и у львовъ, и у волковъ, и ихъ родство природы располагаетъ къ взаимной пріязни“ [2]). И св. Іоаннъ часто сравниваетъ въ своихъ бесѣдахъ два закона. законъ нашего эгоизма и страстей и законъ Христовъ, и наглядно показываетъ, какъ легокъ и радостенъ для насъ второй, и какъ неестественъ, безсмысленъ и деспотиченъ первый. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ словахъ св. Іоаннъ изображетъ противоположность благого закона Христова и закона нашей страсти къ сребролюбію. „Ни одинъ господинъ, какъ бы жестокъ онъ ни былъ, не даетъ такихъ строгихъ и жестокихъ повелѣній, какъ страсти. Посрами твою душу, говорятъ они, безъ нужды и причины, оскорбляй Бога; не знай природы; будетъ ли это отецъ или мать, отложи всякій стыдъ, возстань противъ нихъ. Таковы повелѣнія сребролюбія. Приноси мнѣ въ жертву, говоритъ оно, не тельцовъ, а людей... приноси въ жертву не сдѣлавшихъ никакой неправды; убей и того, кто окажетъ тебѣ благодѣяніе. И опять: будь враждебенъ ко всѣмъ, будь общимъ врагомъ всѣхъ—и самой природы и Бога... Если увидишь, что бѣдный умираетъ съ голоду, не давай ему ничего, но если возможно, сними съ него даже самую кожу... Развѣ не такіе законы предписываетъ сребролюбіе? Будь дерзкимъ и постыднымъ... преступнымъ и безчестнымъ, неблагодарнымъ и безчувственнымъ, безжалостнымъ... больше

---

[1]) Бес. ХС на ев. Матѳ., т. 7, стр. 885.

[2]) Бес. на псалмы, т. 5, стр. 38.

звѣремъ, нежели человѣкомъ Развѣ не это вѣщаетъ оно? И мы слушаемся его. Но Богъ даетъ противоположныя заповѣди. Будь дружелюбенъ со всѣми, будь кротокъ, всѣми любимъ, никого напрасно не оскорбляй, чти отца, чти мать, помогай нуждающимся, не будь дерзкимъ, ни наглымъ. И нѣтъ никого, кто бы слушался этого... До какихъ поръ будемъ блуждать по стремнинамъ? До какихъ поръ будемъ ходить по терніямъ? До какихъ поръ будемъ прободать себя гвоздями и благодарить за это? Мы подчиняемся жестокимъ мучителямъ и отвращаемся отъ милосерднаго Владыки, который ничего не говоритъ оскорбительнаго, ни грубаго, ни жестокаго, ни неразумнаго, но заповѣдуетъ все нужное, прибыльное и доставляющее намъ великую пользу“ [1]).

На этой мысли объ естественности для человѣка Христовыхъ заповѣдей, какъ мы видѣли, утверждается св. Іоанномъ и та мысль, вполнѣ раздѣляемая также гр. Толстымъ [2]), что заповѣди Христовы „тяжки не суть“, и бремя этихъ заповѣдей—бремя легкое. И эту послѣднюю мысль св. Іоаннъ раскрываетъ не разъ въ своихъ бесѣдахъ, доказывая, что заповѣди Христовы, исполненіе которыхъ кажется намъ труднымъ и даже невозможнымъ, въ дѣйствительности имѣютъ цѣлью не возложить на насъ новое бремя, но облегчить нашу жизнь. *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“,* приводитъ св. Іоаннъ слова Христа Спасителя и говоритъ по поводу этихъ словъ: „не тотъ или другой приходи, но *прійдите* всѣ, находящіеся въ заботахъ, скорбяхъ и грѣхахъ: *прійдите* не для того, чтобы я подвергнулъ васъ истязанію, но потому, что Мнѣ нужно ваше спасеніе. *Я* говоритъ, *упокою вы... возьмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ; и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо мое благо и бремя Мое легко есть,* Не бойтесь, говоритъ Онъ, услышавъ объ игѣ. оно *благо.* Не страшитесь, услышавъ о бремени: оно *легко...* Если ты боишься и содрагаешься, слыша объ

---

[1]) Бес. XVIII на 1 Тимоѳ., т. 11, стр. 753—755.

[2]) „Въ чемъ моя вѣра“, стр. 11.

игѣ и бремени, то этотъ страхъ не отъ свойства самой вещи, но отъ твоей лѣности. Если ты будешь имѣть желаніе и рѣшительность, то все будетъ для тебя удобно и легко.. Если добродѣтель представляется тебѣ тяжкою, то знай, что порокъ еще тягостнѣе. Это-то самое давая разумѣть, Господь не прямо сказалъ: *возмите иго Мое*, но напередъ. *прійдите труждающіися и обремененніи*, показывая тѣмъ, что и грѣхъ тяжелъ, и бремя его не легко и неудобоносимо... То же доказываетъ опытъ. Ничто такъ не обременяетъ душу, ничто такъ не ослѣпляетъ мысль и не преклоняетъ долу какъ сознаніе грѣха, напротивъ, ничто такъ не воскрыляетъ и не возноситъ горѣ душу, какъ пріобрѣтеніе правды и добродѣтели. Смотри, можетъ ли что быть труднѣе того, какъ не имѣть ничего? Или подставлять щеку? Не бить бьющаго и умереть насильственною смертью? Но если мы исполнены любомудріемъ, то все это и легко, и удобно, и радостно. Чтобы разсѣять ваше недоумѣніе, разсмотримъ... каждую изъ указанныхъ трудностей. Возьмемъ первую. Не имѣть ничего для многихъ кажется тяжкимъ Но скажи мнѣ, что болѣе трудно и тягостно: объ одномъ ли чревѣ заботиться, или обременяться безчисленными заботами? Одной ли одеждой одѣваться и не искать ничего болѣе, или, обладая великимъ богатствомъ, и день и ночь безпокоиться, бояться, трепетать... тщетно мучиться... Равнымъ образомъ и подставить щеку, если ты разсудителенъ, легче, нежели ударить другого, потому что здѣсь начинается брань, а тамъ оканчивается. Ударомъ ты въ другомъ воспаляешь огонь, а терпѣніемъ и свой пламень потушаешь... Даже и смерть бываетъ лучше жизни... Если ты не вѣришь словамъ моимъ, послушай тѣхъ, которые видѣли лица мучениковъ во время ихъ подвиговъ, какъ они, будучи бичуемы и строгаемы, радовались и веселились; радовались, даже лежа на сковородахъ, и веселились болѣе, чѣмъ возлежащіе на ложахъ, убранныхъ цвѣтами“ [1]).

Во многихъ своихъ бесѣдахъ св. Іоаннъ Златоустъ показываетъ, что, если исполненіе заповѣдей Христовыхъ не можетъ въ этой жизни освободить христіанъ отъ скорбей и

---

[1]) Бес. XXXVIII на ев. Матѳ, т. 7, стр. 417—420.

страданій, и даже послѣднія неразрывно связываются съ жизнью по вѣрѣ [1]), то всѣ и наиболѣе тяжкія страданія— общій удѣлъ всѣхъ людей, но и въ этомъ случаѣ ученикъ Христовъ переноситъ свои страданія несравненно легче, чѣмъ ученикъ міра. Въ этомъ пунктѣ замѣчается прямое совпаденіе мысли св. Іоанна и гр. Толстого. „Многіе изъ нерадивыхъ, говоритъ святитель, думали имѣть нѣкоторое извиненіе, указывая на чрезмѣрную тяжесть заповѣдей, на великій трудъ, на безконечное время и невыносимое бремя, но... ничего подобнаго мы не можемъ представить въ оправданіе... Поистинѣ и время кратко, и трудъ малъ. На землѣ подвизаешься, а на небѣ вѣнецъ; отъ людей принимаешь мученія, а отъ Бога получаешь честь; два дня бѣжишь, а на безконечные вѣка награда. А сверхъ этого должно еще представлять и то, что, хотя бы мы и не рѣшились потерпѣть для Христа нѣкоторыя скорби, все же совершенно необходимо будемъ терпѣть ихъ, только инымъ образомъ. Если ты и не умрешь за Христа, то не будешь же безсмертенъ, если и не отвергнешь для Христа богатство, то не возьмешь его съ собой по смерти. Онъ требуетъ отъ тебя того, что и безъ требованія отдашь... Онъ желаетъ, чтобы ты добровольно сдѣлалъ то, что долженъ будешь сдѣлать и по необходимости; требуетъ только одного того, что приходитъ и случается и по естественной необходимости“ [2]). „Мы, если и не положимъ за Него (Христа) душъ своихъ, то по закону природы непремѣнно должны будемъ положить, спустя немного времени поневолѣ разстанемся съ жизнью. Такъ и съ деньгами... Такъ и со смиреніемъ: если мы не будемъ смиренными для Него, то смиряетъ насъ скорбь, несчастья, притѣсненія... Возлюбимъ Его по мѣрѣ силъ своихъ, отдадимъ все изъ-за любви къ Нему—и душу, и имущество, и славу, и все прочее съ радостью, съ готовностью, съ усердіемъ, не считая этого полезнымъ для Него, но для насъ самихъ. Таковъ, дѣйствительно, законъ любви: любящіе считаютъ счастьемъ для себя, когда страдаютъ за любимыхъ“ [3]). И

[1]) Напр., т. 11, стр. 814; т. 1, стр. 130, 232, 815 и др.

[2]) Бес. LXXVI на ев. Матѳ., т. 7, стр. 768–769.

[3]) Бес. 2 на посл. къ Филимону, т 11, стр. 899.

если, такимъ образомъ, по взгляду святителя, смерть, скорби и лишенія равно составляютъ удѣлъ всякаго человѣка, то слѣдующій Христу имѣетъ несравнимое преимущество: благое иго Христовыхъ заповѣдей помогаетъ ему нести свое жизненное бремя легко, свободно и радостно. „Никто не свободенъ, кромѣ того, кто живетъ для Христа: онъ стоитъ выше всѣхъ бѣдствій, и если онъ самъ не захочетъ сдѣлать себѣ зла, то никто другой никогда не въ состояніи ему будетъ сдѣлать это. Онъ неприступенъ, не терзается отъ потери имѣнія, потому что знаетъ, что *„ничтоже внесохомъ въ міръ сей, ниже изнести что можемъ“*, не уловляется честолюбіемъ или славолюбіемъ, такъ какъ знаетъ, что *наше житіе на небесѣхъ*; порицающій его не причиняетъ ему скорби, и біющій не приводитъ въ раздраженіе. Одно у христіанина несчастіе—оскорбить Бога, а прочее, какъ-то: потерю имущества, лишеніе отечества, самую крайнюю опасность, онъ и не считаетъ за бѣдствіе; даже то самое, чего всѣ страшатся—переходъ отсюда туда—для него пріятнѣе жизни“ [1]). „Нельзя, поистинѣ, нельзя выразить словомъ того удовольствія, какое случается испытывать страждущимъ за Христа. Они радуются болѣе среди бѣдствій, нежели во время благоденствія. Если кто возлюбилъ Христа,—тотъ понимаетъ, что я говорю“ [2]). „Для человѣка съ такимъ настроеніемъ ничего не значитъ и то, что кажется страшнымъ въ настоящей жизни: онъ не боится ни меча, ни крѣпости, ни зубовъ звѣрей, ни пытокъ, ни рукъ палачей, ни другой какой-либо непріятности житейской“ [3]). И если въ приведенныхъ словахъ святителя о внутренней свободѣ христіанина св. Іоаннъ преимущественно утверждается на чувствѣ любви, соединяющей вѣрующаго съ его Спасителемъ, то и вообще святитель вѣритъ, что добродѣтель, какъ она выражается въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ, въ себѣ самой заключаетъ залогъ истинной свободы и радости. „Спаситель, показывая, какъ полезна добродѣтель и въ здѣшней жизни и какъ вре-

[1]) „Увѣщаніе къ Ѳеодору падшему“, т. 1, стр. 41, сравн. „Бесѣда, когда Евтихій былъ схваченъ“, т. 3, стр. 410—411.

[2]) Бес. XIII на Дѣян. апост., т. 9, стр. 129.

[3]) Бес. XXVIII на кн. Бытія, т. 4, стр. 294.

день порокъ, говоритъ: *всякъ убо, иже слышитъ словеса Моя сія, и творитъ я, уподобится мужу мудру...* Въ чемъ же состоитъ эта сила добродѣтели? Въ томъ, что съ нею живутъ безопасно, не колеблются ни отъ какихъ несчастій, стоятъ выше всѣхъ гонителей. Что можетъ сравниться съ этимъ? Добродѣтельный... одинъ стяжалъ такую безопасность, въ пучинѣ настоящей жизни наслаждаясь великою тишиною. *Сниде дождь, придоша рѣки,* говоритъ Спаситель, *возвѣяша вѣтры, и нападоша на храмину ту, и не падеся; основана бо бѣ на камени.* Здѣсь дождемъ, рѣками и вѣтрами онъ иносказательно называетъ человѣческія несчастья и злоключенія, какъ-то: клеветы, навѣты, скорби, смерть, погибель ближнихъ, оскорбленія отъ другихъ и всякое другое зло, какое только бываетъ въ настоящей жизни. Но душа праведнаго, говоритъ Онъ, ничѣмъ не побѣждается. Причина этого въ томъ, что она основана на камнѣ. Камнемъ здѣсь Христосъ называетъ твердость Своего ученія. И поистинѣ: заповѣди Его гораздо тверже камня: помощію ихъ праведникъ становится выше всѣхъ волнъ человѣческихъ.. и ты всему посмѣешься, если захочешь тщательно исполнять заповѣди Христовы. Стоитъ тебѣ только оградиться любомудрыми этими наставленіями,—тогда ничто тебя не сможетъ опечалить. Какой вредъ тебѣ можетъ причинить тотъ, кто захочетъ коварствовать противъ тебя? Отниметъ у тебя имѣніе? Но еще прежде его угрозы тебѣ повелѣно презирать богатство.. Ввергнетъ ли тебя въ темницу? Но еще прежде темницы тебѣ заповѣдано такъ жить, чтобы уже распяться міру. Злословитъ ли тебя? Но Господь освободилъ тебя и тутъ отъ печали... и на столько сдѣлалъ тебя непричастнымъ досадѣ и огорченію, что даже повелѣлъ молиться за враговъ. Гонитъ ли тебя ., убиваетъ ли тебя и закалаетъ? И чрезъ это опять приноситъ тебѣ величайшую пользу, поскольку готовитъ для тебя мученическія награды, ускоряетъ твой путь въ безметежное пристанище... Сказавши, что путь добродѣтели тѣсенъ и прискорбенъ, Спаситель тотчасъ, чтобы ободрить своихъ слушателей къ трудамъ, показываетъ на этомъ пути великую

безопасность и великое услажденіе“ [1]). „Никому, никому нельзя жить безъ печали, равно какъ и безъ всякаго удовольствія. Этого бы не вынесла и природа наша... Если же одинъ больше радуется, а другой больше скорбитъ, то происходитъ это отъ самого человѣка. Если же хотимъ всегда радоваться, то много имѣемъ къ тому случаевъ. Если утвердимся въ добродѣтели, то ничто уже насъ не будетъ печалить... Много труда стоитъ утвердиться въ добродѣтели, но зато она много радуетъ совѣсть и столько производитъ внутренняго удовольствія, что никакимъ словомъ и выразить нельзя“ [2]).

До сихъ поръ мы стояли на чисто принципіальной почвѣ при изложеніи взглядовъ св. Іоанна на жизненное значеніе заповѣдей Христовыхъ Мы видимъ, что горячая вѣра святителя въ будущую жизнь [3]), небесныя награды, наслѣдственную грѣховность человѣческой природы не помѣшали этому великому учителю Церкви вѣровать и исповѣдывать, что Христосъ Спаситель училъ людей для того, чтобы они исполняли Его ученіе, что это ученіе—не мечта [4]), но основа истинной жизни и радости, и что заповѣди Христовы воистину имѣютъ обѣтованія жизни и будущей и настоящей. Теперь, въ дополненіе къ сказанному, я позволю себѣ отмѣтить и нѣкоторыя частности во взглядѣ св. Іоанна на то, что исполненіе заповѣдей Христовыхъ всегда является залогомъ истиннаго блага для слѣдующаго этимъ заповѣдямъ. Ограничусь, впрочемъ, указаніемъ взгляда святителя по одному лишь вопросу о томъ, что христіанская кротость и непротивленіе злу есть великая жизненная сила. Какъ мы видѣли, это центральный вопросъ для гр. Л. Н. Толстого въ пониманіи имъ христіанскаго ученія и защитѣ его жизненнаго смысла. Съ другой стороны и противники гр. Толстого съ горячностью ухва-

---

[1]) Бес. XXIV на ев. Матѳея, т. 7, стр. 279—281.

[2]) Бес. LIII, т. 7, стр. 550—551.

[3]) Если гр. Толстой думалъ, что люди живутъ плохо потому, что много думаютъ о будущей жизни, то св. Іоаннъ полагалъ какъ разъ обратное: онъ думалъ, что современные ему христіане не живутъ по заповѣдямъ Христовымъ именно отъ недостатка вѣры и думы о будущей жизни.

[4]) „Христіанство не шутка, возлюбленные, и не праздное дѣло“.. т. 3, стр. 166.

тились за критику ученія графа по этому вопросу, при чемъ нерѣдко не столько критиковали гр. Толстого, сколько самый принципъ непротивленія злу силой. Этотъ принципъ объявлялся и неразумнымъ, и вреднымъ, и даже преступнымъ.. Тѣмъ интереснѣе услыхать по этому вопросу голосъ великаго учителя Церкви вселенской. Исходная точка зрѣнія св. Іоанна по интересующему насъ вопросу та, что заповѣдь о непротивленіи злу и о прощающей любви дана намъ Господомъ, и потому не только для насъ обязательна, но и направлена къ нашему благу. „Проповѣдуй слово Божіе посредствомъ кротости. Оскорбилъ ли тебя кто? Молчи, благословляй, если можешь... Но, скажешь, чѣмъ болѣе обидчикъ видитъ кротости, тѣмъ болѣе нападаетъ.., дѣлается неукротимымъ. Это предлогъ твоего малодушія; напротивъ, тогда онъ дѣлается неукротимымъ, когда ты мстишь. Если бы Богъ зналъ, что вслѣдствіе немстительности оскорбители дѣлаются неукротимыми, то не заповѣдалъ бы ея, а сказалъ бы: мсти за себя; но Онъ знаетъ, что она приноситъ болѣе пользы. Не полагай законовъ противныхъ Богу; Ему повинуйся: ты не лучше Сотворившаго насъ. Онъ сказалъ: переноси оскорбленія; а ты говоришь: я отмщу оскорбителю, чтобы онъ не сдѣлался неукротимымъ. Такъ ты болѣе Бога печешься о немъ? Это — слова страсти, строптивости, гордости, противленія заповѣдямъ Божіимъ... Когда Богъ повелѣваетъ, мы не должны полагать законовъ, противныхъ Ему... Сказалъ ли онъ худо о тебѣ? Ты похвали его. Поносилъ ли? Ты превозноси. Замышлялъ ли зло? Ты окажи благодѣяніе... Но, скажешь, неоднократно испытавъ мое терпѣніе, онъ сдѣлался хуже. Это касается не тебя, а его... Чѣмъ сильнѣе онъ оскорбляетъ, тѣмъ въ большей кротости имѣетъ нужду“ [1]). И св. Іоаннъ предвидитъ самыя крайнія послѣдствія изъ соблюденія заповѣди непротивленія, какими можно было бы оправдать ея нарушеніе, и съ убѣжденностью доказываетъ невозможность такого оправданія. „Спаситель присовокупляетъ: *Азъ же глаголю вамъ не противитися злому*... Что же скажешь ты? ужели намъ не должно противиться лукавому? Должно, но... какъ

[1]) Бес. на Дѣян. апост., т. 9, стр. 275—186, сравн. бес. VI, стр. 68—59

повелѣлъ самъ Спаситель, то-есть готовностью терпѣть зло. Не огнемъ вѣдь погашаютъ огонь, но водою... Спаситель требуетъ высшаго любомудрія, повелѣвая обиженному не только молчать, но и подставить обижающему и другую шеку... И Онъ не только предписываетъ, чтобы мы переносили великодушно одни заушенія, но чтобы не смущались и всякимъ другимъ страданіемъ... Вотъ почему Онъ... здѣсь упомянулъ объ ударѣ по щекѣ, который считается особенно позорнымъ. Давая эту заповѣдь, Спаситель имѣетъ въ виду пользу и наносящаго удары, и терпящаго ихъ . Наоборотъ, мщеніе производитъ совершенно противныя слѣдствія. Оно обоимъ причиняетъ стыдъ, ожесточаетъ ихъ еще больше, воспламеняетъ гнѣвъ.. *Хотящему судитися съ тобаю, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу.* Спаситель хочетъ, чтобы мы показывали такое же незлобіе не только когда насъ бьютъ, но и когда хотятъ отнять имѣніе, потому опять предлагаетъ столь же высокое правило, предписывая не только отдать сопернику то, что онъ хочетъ взять, но и оказать большую щедрость. Что жъ? Неужели, скажешь, мнѣ ходить нагимъ? Не были бы мы наги, если бы въ точности исполнили эти повелѣнія; напротивъ, еще были бы гораздо лучше всѣхъ одѣты. Во-первыхъ, потому, что никто не нападаетъ на человѣка, имѣющаго такое расположеніе духа, а, во-вторыхъ, если бы и нашелся кто настолько жестокій и немилосердный.., то безъ сомнѣнія еще болѣе бы нашлось такихъ, которые человѣка, восшедшаго на такую степень любомудрія, покрыли бы не только одеждами, но, если бы было возможно, и самою плотію своею. А если бы кому довелось и нагимъ ходить ради такого любомудрія, то и въ этомъ не было бы стыда... Нимало не худо такъ обнажаться, но постыдно и смѣшно такъ одѣваться, какъ мы одѣваемся нынѣ, т. е. въ драгоцѣнныя одежды... Итакъ, не будемъ почитать невозможными повелѣнія Господни. Они и полезны, и весьма удобны къ исполненію, если только мы будемъ бодрствовать. Они такъ спасительны, что не только намъ, но и обижающимъ насъ приносятъ величайшую пользу... Вотъ что значитъ та *соль*, каковою Спаситель желаетъ быть ученикамъ своимъ... Вотъ что значитъ и тотъ свѣтъ: онъ свѣтитъ и самому себѣ, и дру-

гимъ"... Въ такомъ духѣ толкуетъ всѣ заповѣди нагорной бесѣды св. Іоаннъ Златоустый [1]). И неоднократно онъ обращается къ заповѣди Господа о непротивленіи злому и показываетъ величіе и силу христіанской кротости, не имѣющей границъ въ своемъ обнаруженіи. „Чтобы изъ современной жизни—говоритъ святитель—тебѣ видѣть, что можно смягчить всякаго человѣка, враждующаго противъ насъ, то спрошу я: что свирѣпѣе льва? Однако, его укрощаютъ люди· сильнѣйшій и лютѣйшій изъ звѣрей дѣлается смирнѣе всякой овцы... Итакъ, какое будемъ мы имѣть оправданіе, какое извиненіе, если, укрощая звѣрей, будемъ говорить о людяхъ, что никакъ не можемъ ихъ смягчить и расположить къ себѣ? Между тѣмъ для звѣря не естественна кротость, а для человѣка не естественна жестокость... Если же ты и послѣ этого еще упорствуешь, скажу тебѣ, что, если врагъ твой болитъ неизцѣльно, тѣмъ больше у тебя труда и ухода за неизлѣчимо больнымъ... Поэтому будемъ заботиться не о томъ, чтобы намъ не потерпѣть отъ враговъ ничего худого, но о томъ только, чтобы самимъ не сдѣлать никакого зла Тогда мы дѣйствительно не потерпимъ никакого зла, хотя бы подверглись безчисленнымъ опасностямъ.. Въ самомъ дѣлѣ, что остается, на что указывая, не хочешь ты примириться со врагомъ? Или врагъ твой покусился на твою жизнь, замыслилъ убить тебя? Если злоумышленника, который простеръ злобу свою даже до этого, причислишь къ благодѣтелямъ и не перестанешь молиться за него и умолять Бога о милосердіи къ нему,—это дѣло вмѣнится тебѣ въ мученическій подвигъ" [2]). „Если кто изострить на тебя мечъ и руку свою обагритъ въ твоей гортани, то не сдѣлаетъ тебѣ никакого вреда, а себя самого убьетъ" [3]). „Между людьми раздраженными обыкновенно считаютъ побѣдителемъ того, кто болѣе нанесъ обидъ; но этотъ-то въ самомъ дѣлѣ и остался побѣжденнымъ жесточайшею страстью и обиженнымъ; а кто равнодушно перенесъ обиду, тотъ побѣдилъ и одержалъ верхъ... Итакъ, не

---

[1]) Бес. XVIII на Ев. Матѳ., т. 7, стр. 206—208 и дал.
[2]) Бес. III о Давидѣ и Саулѣ, т. 4, стр. 859.
[3]) Бес. XXII на посл. къ Римл., т. 9, стр. 773.

всегда будемъ искать побѣды. Конечно, оскорбившій обыкновенно одерживаетъ побѣлу надъ оскорбленнымъ; но это худая побѣда, такъ какъ она причиняетъ погибель побѣдителю... Какъ въ обыкновенномъ сраженіи паденіе считается пораженіемъ, такъ у насъ—побѣдою. Мы никогда не бываемъ побѣдителями, когда дѣлаемъ зло, напротивъ, всегда побѣждаемъ, когда терпимъ зло... Не тревожься, не безпокойся: Богъ далъ тебѣ силу побѣждать не сражаясь, но чрезъ одно только терпѣніе. Не ополчайся, не выходи самъ,—и ты одержишь побѣду; не сражайся—и ты получишь вѣнецъ, ты гораздо сильнѣе самаго могущественнаго изъ твоихъ противниковъ" [1]). И такое побѣдное значеніе начало непротивленія злу силой имѣетъ, по мысли св. Іоанна Златоустаго, не только въ личной жизни вѣрующихъ [2]), но и въ жизни цѣлаго христіанскаго общества—Церкви, о чемъ наглядно проповѣдуетъ вся исторія „Когда проповѣдь (Евангелія) распространялась , все было полно смущенія. Когда одиннадцать, единственно они, выстроились на борьбу противъ вселенной, произошла противъ нихъ непримиримая у всѣхъ война.., если только нужно назвать это войною, а не чѣмъ-либо инымъ, болѣе тягостнымъ, чѣмъ война. Въ самомъ дѣлѣ, на войнѣ боевыя стороны находятся въ одинаковыхъ условіяхъ; какъ то, такъ и другое войско и поражаетъ, и поражается, а тогда не такъ было, но одинъ свободно нападалъ, а другіе только подвергались нападенію, поражать же для нихъ было невозможно, равно какъ и защищаться отъ коварствующихъ, потому что такъ повелѣлъ Предводитель боевого строя. *посылаю васъ яко овцы, посреди волковъ*, и не только повелѣлъ выходить протнвъ коварствующихъ, но даже доставлять имъ удовольствіе безчинствовать, потому что обращеніе правой щеки и посыланіе овецъ среди волковъ намекаютъ не на иное что, какъ на то, что имъ дано въ удѣлъ страданіе, чтобы побѣдный знакъ сдѣлался блистательнѣе. Какъ? Такъ, что, будучи въ числѣ одиннадцати, они преодолѣли вселенную,—что достигли этого страдая, а не причиняя страданія, будучи поражаемы, а не

---

[1]) Бес. LXXXIV на Ев. Матѳ., т. 7, стр. 842—843

[2]) Обычное ограниченіе въ системахъ нашего оффицальнаго богословія.

поражая, подвергаясь кознямъ, а не коварствуя.., будучи изгоняемы, а не изгоняя, будучи преслѣдуемы, а не преслѣдуя, будучи убиваемы, а не убивая,—и что, какъ овцы, назначенныя на закланіе, они измѣнили до кротости овецъ всѣхъ волковъ, бѣснующихся, дышащихъ убійствомъ, бывшихъ свирѣпѣе звѣрей Когда слово распространялось и благочестіе посѣвалось, отовсюду разгорались костры, вражда и войны..., кто принималъ слово, обращался для всѣхъ въ общаго врага, изгонялся изъ отечества, терялъ имущество и подвергался опасности относительно... самой жизни... Видишь ли, какъ скорбь утверждаетъ Евангеліе“ [1]). И въ дальнѣйшей исторіи Церкви святитель съ гордостью отмѣчаетъ, что она росла безъ насилія и мщенія, но напротивъ, возрастала и возвеличивалась среди гоненій отъ невѣрныхъ. „Съ того времени, какъ пришелъ Христосъ, были невѣрные цари, были и вѣрные, но изъ невѣрныхъ большая часть ввергла вѣрующихъ въ пропасти, въ костры, въ бездны, въ моря, предавала бѣшенству звѣрей... И хотя вѣрующіе были терзаемы всѣми способами, но вѣра возрастала еще болѣе. А благочестивый царь ни одинъ никогда не рѣшался наказывать и мучить кого-либо изъ невѣрующихъ, принуждая его отстать отъ заблужденія,—и, однако, заблужденіе и такъ само собою проходитъ и исчезаетъ“ [2]). Непозволительно христіанамъ ниспроверґать заблужденія принужденіемъ и насиліемъ, но заповѣдано убѣжденіемъ, словомъ и кротостію совершать спасеніе людей“ [3]).

Можно было бы и еще отмѣтить черты согласнаго пониманія евангельскихъ заповѣдей и устроенія христіанскаго быта у великаго учителя Церкви и Л. Н Толстого. Такъ они согласно смотрятъ на основы права собственности, въ частности на то, что земля не должна входить въ частное владѣніе [4]), одинаково отрицаютъ клятву въ христіанской жизни [5]),

---

[1]) „Бес. VII, сказанная въ храмѣ св Анастасіи“, т. 12, стр. 323—327.

[2]) „Похвала св. муч. Дросидѣ“, т. 2, стр. 733.

[3]) „О святомъ Вавилѣ“, т. 2, стр. 577.

[4]) Подробное изложеніе взгляда св. Іоанна на собственность можно читать въ моей книжкѣ „Ученіе древней Церкви о собственности, стр. 42—50, 113—139, 195—246.

[5]) Напр., Творенія св. Іоанна въ русск. пер., т. 12, „Слово о клятвѣ“, стр. 726—733, особенно стр. 729 и множ. др.

согласно смотрятъ на преимущества бѣдности [1]), на ненормальности жизни въ городѣ [2]), преимущества рабочей трудовой жизни [3]), на характеръ христіанской жизни, какъ бы по природѣ страннической [4]) и т. д. Подробно, однако, останавливаться на этихъ чертахъ сходства этическихъ воззрѣній двухъ проповѣдниковъ христіанскаго ученія намъ не представляется нужнымъ. Много у нихъ есть общаго, много и различнаго Мы ограничиваемся указаннымъ согласіемъ сравниваемыхъ проповѣдниковъ христіанскаго нравственнаго ученія по вопросу о жизненномъ значеніи заповѣдей Христовыхъ. Какъ бы ни было велико различіе св. Іоанна и гр. Толстого во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ и въ пониманіи частныхъ заповѣдей Господа, но согласіе двухъ столь различныхъ моралистовъ въ пониманіи такого великаго жизненнаго вопроса имѣетъ самое существенное значеніе для нашего времени, и потому заслуживаетъ быть отмѣченнымъ.

Графа Толстого отдѣляетъ отъ св. Іоанна Златоустаго полторы тысячи лѣтъ, но рѣшаютъ они одинъ и тотъ же, центральный для христіанской совѣсти, вопросъ о жизни по вѣрѣ Христовой. И, конечно, удивительно здѣсь не то, что рѣшается одинъ и тотъ же вопросъ: безъ сомнѣнія, если бы прошли десятки тысячъ лѣтъ, вопросъ этотъ все равно неотступно стоялъ бы передъ совѣстью людей и требовалъ бы своего разрѣшенія. Удивительно то, что трафъ Л. Н. Толстой, проповѣдуя, что Христосъ Спаситель училъ людей для того, чтобы они исполняли Его ученіе и на основѣ этого ученія построяли свою жизнь,—проповѣдуя это, Л. Н. Толстой былъ искренно убѣжденъ, что онъ предлагаетъ новое, сравнительно съ церковнымъ, пониманіе отношенія Евангелія къ жизни. Что же это такое? Русская церковь всегда была единомысленна съ греческой; творенія святыхъ отцовъ церкви, и особенно св. Іоанна Златоуста, тщательно изучались въ Россіи, и авторитетъ ихъ стоялъ всегда высоко. Согласно со св. Іоанномъ учили и всѣ великіе церковные учители. И вдругъ гр.

---

[1]) „Ученіе древней Церкви о собственности“, стр. 139—143.
[2]) Напр., т. 1, стр. 53 и др.
[3]) Напр., т. 7, стр. 550.
[4]) Напр., т. 7, стр. 706.

Толстой какъ бы откровеніе какое возвѣщаетъ міру, что Христосъ училъ людей для того, чтобы Его послѣдователи исполняли Его ученіе. И не одинъ графъ Толстой такъ думалъ. Широкіе интеллигентные круги русскаго общества также приняли его слово за новое откровеніе. Но и этого мало. наше богословіе въ лицѣ очень и очень многихъ его представителей съ величайщей горячностью начало опровергать и этотъ пунктъ въ ученіи гр. Толстого, и съ особенною любовью и ревностью, достойными лучшей участи, начало доказывать, что безъ убійства, побоевъ, войны, клятвы и т. д. міръ существовать не можетъ. Конечно, голосъ нашего богословія, притомъ далеко неединодушный, не есть голосъ Церкви вселенской. Но все-же нерѣдко самыя удивительныя вещи выдавались нашими богословами за церковное ученіе, а ихъ санъ и ученые дипломы легко могли заставить читателей повѣрить тому, что и дѣйствительно разныя богословскія измышленія выражаютъ церковное сознаніе. Вѣрилъ же этому самъ Л. Н. Толстой... Получается поражающая картина. Пятнадцать вѣковъ назадъ великій христіанскій проповѣдникъ со всею силою убѣжденности доказывалъ, что заповѣди Господа, какъ онѣ выражены въ нагорной бесѣдѣ, могутъ и должны быть исполняемы въ Церкви Христовой. Ревностно обличалъ св. Іоаннъ неправый путь жизни человѣчества и призывалъ горячо и неустанно вступить на путь послѣдованія Христу. Прошли полторы тысячи лѣтъ, и эту самую мысль также горячо и неустанно защищаетъ графъ Толстой, но уже не столько обличая членовъ Церкви, сколько самую учащую церковь. Конечно, произошло страшное недоразумѣніе: гр. Толстой смѣшалъ голосъ Церкви съ голосомъ отдѣльныхъ ея представителей. Но все же нельзя закрывать глаза на то явленіе, что и пятнадцать вѣковъ спустя послѣ св. Іоанна, а вѣрнѣй—19 послѣ проповѣди въ мірѣ Евангелія, находятся люди, которые отъ лица Церкви доказываютъ и убѣждаютъ, что евангельскія заповѣди, какъ безконечно высокія, неприложимы къ нашей жизни во всей ихъ чистотѣ. На первый взглядъ можетъ показаться, что христіанское самосознаніе какъ бы понизилось. Но вѣрится, что это не такъ, и полторы тысячи лѣтъ не прошли безплодно для христіанизаціи человѣческаго созна-

нія Въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ св. Іоанна и другихъ святителей древней Церкви мы имѣемъ великихъ христіанскихъ учителей, мысль которыхъ высоко-высоко поднималась надъ уровнемъ широкихъ круговъ ихъ современниковъ Поэтому и произошло такъ, что жизнь далеко отстояла отъ возвѣщаемой учителями церкви истины, и эта жизнь, человѣческій эгоизмъ и плотяность не только не были, повидимому, побѣждены призывомъ великихъ церковныхъ учителей, но укоренились, и прямое нарушеніе заповѣдей Христовыхъ вошло въ самый бытъ жизни христіанской какъ нѣчто законное, извиняемое немощностью человѣческой природы и устоями человѣческихъ общежитій. Поэтому также остро, а можетъ быть и еще острѣе ставится для нашего сознанія проблема о разладѣ между жизнью и идеаломъ. Но однако самая проблема ставится уже не только съ высоты церковной каѳедры, но и изъ нѣдръ народнаго сознанія. Говорилъ одинъ графъ Толстой, но отвѣчали ему тысячи сердецъ. Велико и теперь разстояніе жизни христіанскаго общества отъ ея евангельскій нормы, больше, быть можетъ, чѣмъ во дни св. Іоанна. Но совѣсть народная, эти глаза сердца, уже видятъ это разстояніе, плачутъ отъ сознанія своего убожества, готовы иногда осудить себя, иногда отвергнуть, и даже съ ненавистью, идеалъ, но совѣсть современнаго сознательнаго христіанина уже не можетъ лгать и не захочетъ лгать. Она можетъ простить гр. Толстому его заблужденія и Богу предоставить судъ надъ ето кощунствомъ. Но эта совѣсть никогда не признаетъ учителями истины тѣхъ, которые говорятъ отъ имени Христа, но говорятъ не то, чему Онъ училъ. И въ этомъ отношеніи проповѣдь Л. Н. Толстого не пройдетъ безслѣдно. Толстой не учитель Церкви. Та „часть истины“, которая прошла черезъ его сознаніе [1]), уже съ первыхъ вѣковъ христі-

[1]) Хочется привести здѣсь слова самого Толстого, могущія служить дѣйствительно руководящими въ отношеніи къ нему. „Я прошу всѣхъ тѣхъ, которые будутъ читать и понимать мое писаніе, откинувъ такъ же, какъ и я, всѣ свѣтскія соображенія, имѣя въ виду только то вѣчное начало истины и добра, по волѣ котораго мы пришли въ этотъ міръ, и очень скоро, какъ тѣлесныя существа, исчезнемъ изъ него, и безъ поспѣшности и раздраженія понимать и обсуждать то, что я высказываю, и въ случаѣ несогласія не съ

анства заключена въ твореніяхъ великихъ провозвѣстниковъ церковнаго ученія, и заключена во всей полнотѣ, потому что утверждается на живомъ камнѣ, который есть Христосъ, Единородный Сынъ Божій. Но гр. Л. Н. Толстой—это живой укоръ нашему христіанскому быту и будитель христіанской совѣсти. Дремлетъ эта совѣсть... Высоко поднимаются храмы христіанскіе и много ихъ по лицу земли,—этихъ символовъ того, что побѣдилъ Галилеянинъ. Но внѣ стѣнъ этихъ храмовъ жизнь течетъ по своимъ законамъ, глубоко враждебнымъ тому, что возвѣщается въ Евангеліи, и приносятся непрестанныя жертвы богамъ инымъ. И усыпляется совѣсть этимъ мнимо-христіанскимъ бытомъ, и сладко сознаніе, что можно считать себя послѣдователемъ Христа, сдѣлавъ Его крестъ украшеніемъ своей жизни, но не нося на себѣ тяжести этого креста. Дремлетъ совѣсть, и не нарушаетъ покоя ея слабый голосъ церковныхъ проповѣдниковъ. Этотъ голосъ не только легко заглушается шумомъ міра, но нерѣдко и самъ сливается съ нимъ и начинаетъ учить, слѣдуя „заповѣдямъ, преданіямъ человѣческимъ". Много, слишкомъ много есть въ нашей повседневной проповѣди отъ лица Церкви такого, что дѣлаетъ эту проповѣдь лишенной внутренней силы и убѣдительности; уныло звучатъ слова наши о любви къ Богу, о жизни въ Немъ одномъ, о слѣдованіи заповѣдямъ Его. Не будитъ эта проповѣдь дремлющихъ сердецъ, не влечетъ къ себѣ душу, погибающую въ суетѣ міра... Но раздалось это же слово о жизни въ Богѣ и по Его закону изъ устъ великаго писателя родной земли. и къ нему прислушивается міръ; какъ удары призывного колокола, несутся его слова по міру и ударяютъ въ сердце, будятъ дремлющія силы человѣческаго духа и зовутъ ихъ могучимъ призывомъ на дѣло Божье. Правда, и эти слова еще непонятны и часто непріятны міру, но все-таки есть что-то, что дѣлаетъ эти непонятныя слова родными для человѣка, привлекающими серд-

---

презрѣніемъ и ненавистью, а съ сожалѣніемъ и любовью поправлять меня; въ случаѣ же согласія со мной помнить, что, если я говорю истину, то истина эта не моя, а Божія, и что только случайно часть ея проходитъ чрезъ меня, точно такъ же, какъ она проходитъ черезъ каждаго изъ насъ, когда мы понаемъ истину и передаемъ ее" („Христіанское ученіе", предисловіе).

ца людей своею искренностью, личной выстраданностью, какою-то общечеловѣческой правдой. И въ лучахъ этой правды яснымъ дѣлается весь ужасъ современнаго уклада христіанской жизни и виднѣется, хотя сквозь туманъ ошибокъ и заблужденій, новая обѣтованная земля, на которой царствуетъ воля Божья.

„Не увидать той обѣтованной земли, куда ввелъ другихъ,—хотя бы содѣйствовалъ сколько-нибудь введенію другихъ,—есть неизмѣнный законъ истинной жизни". Такъ говорилъ самъ Л. Н. Толстой, и тихою грустью вѣетъ отъ словъ этихъ. Но для всѣхъ, ищущихъ обѣтованной земли, тоскующихъ по ней, дороги эти самоотверженные вожди человѣчества, хотя бы они вели людей въ землю обѣтованія и не прямою дорогой, и благодарная память о нихъ не умираетъ.

Василій Экземплярскій.

Кіевъ, 26 августа 1911 г.

